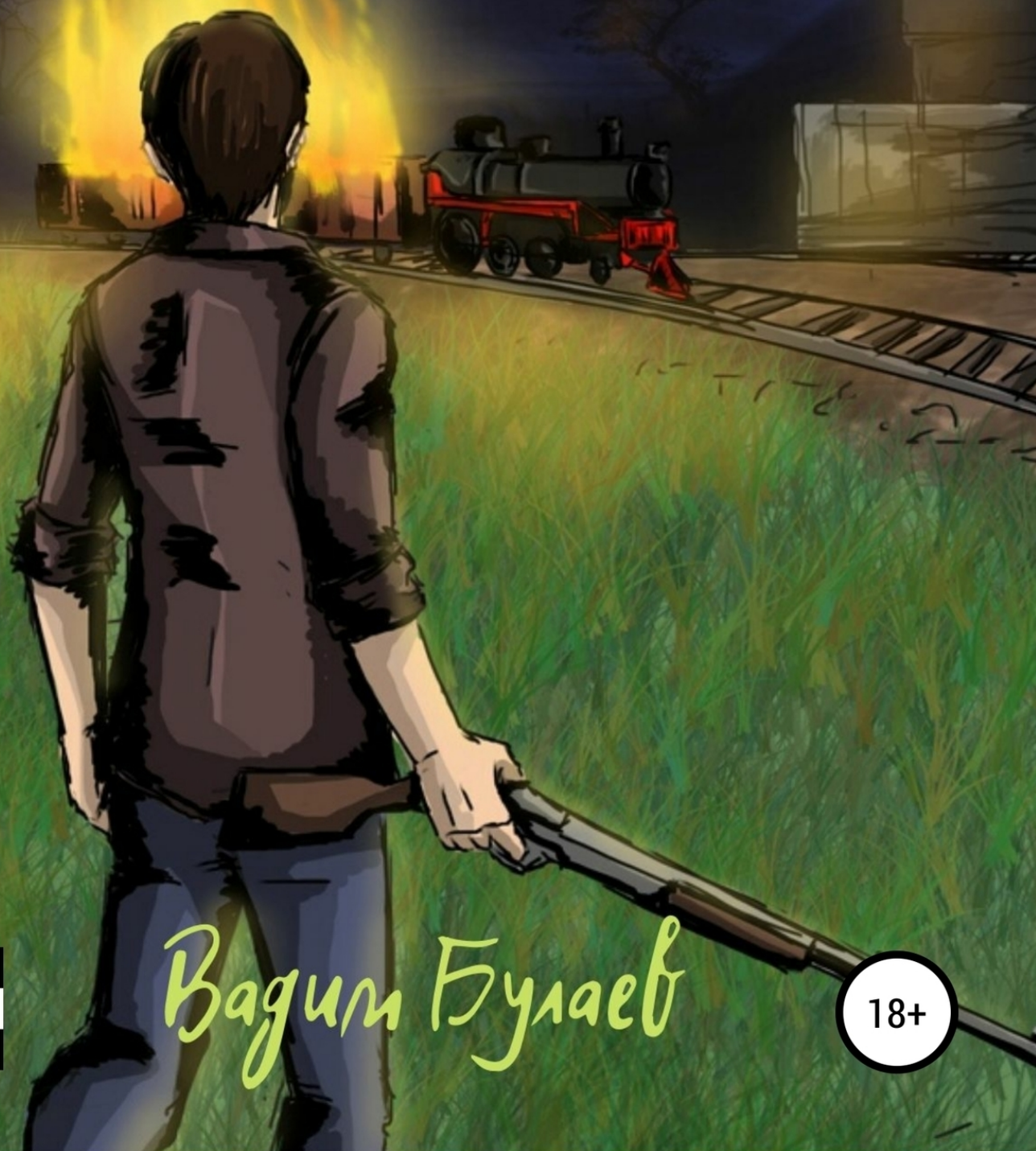

Зюзя. Книга Вторая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вадим Булаев

18+

Вадим Булаев

Зюзя. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Булаев В. В.

Зюзя. Книга вторая / В. В. Булаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Им не нужны ни правда, ни подвиги. Они просто хотят домой. Однако дорога полна неожиданностей и кто знает, что ждёт за очередным поворотом?
Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пролог

Представьте – у вас в голове и по всему телу забиты неизвестным палачом раскалённые, кривые гвозди. И каждый из них не просто в состоянии покоя, а ещё и усердно расшатывается при помощи плоскогубцев где-то там, глубоко внутри. Огненные железяки, извиваясь под рукой садиста, вызывают абсолютно все ужасы абсурда, умноженные, как минимум, на три; плюс бонусом идут жжение, отвратное пощипывание, тошнотворный дискомфорт.

Если вам сложно представить такую жуть – можно упростить задачу. Хорошенько, с размаху ударьтесь мизинчиком ноги об дверной косяк и одновременно вгоните себе в палец иглу хотя бы до половины. А теперь увеличьте эти ощущения на сто и экстраполируйте полученный результат на всю поверхность руки, ноги или что вам больше по вкусу. Калейдоскоп эмоций и фейерверк незабываемых, до сегодняшнего дня не испытанных, чувств, среди которых ни одного хорошего, обеспечены. Будет потом что вспомнить, утирая холодный пот со лба и тихо, чтобы никто не услышал, проклиная самого себя за излишнюю дурость и бестолковое любопытство.

Именно так я чувствовал себя, очнувшись в полной темноте. Не было сил ни стонать, ни звать на помощь, ни собраться с разбегающимися, как тараканы при включенной лампочке, мыслями. Внутри была пустота, заполненная адской, всепроникающей болью.

Мозг отказывался воспринимать реальность, напоминая о себе лишь периодически взрывающимися резкими, словно реактивные истребители последнего поколения, приступами дополнительных мучений к уже имеющимся, ставшим за это короткое время почти частью меня. Одно хорошо, после таких микровзрывов страданий наступает тёплое, обволакивающее своим спокойствием, НИЧТО. Оно держит остатки сознания в своих мягких лапах до следующего пробуждения для новых мук.

... – На кой вы эту падаль притащили? Он же фактически жмурик!

– Притащили – лечи. Лекарств у тебя всё равно полно, и все просроченные. Так что можешь не слишком экономить.

– Да не жалко лекарств, перевязочного материала жалко. На этого красавца он рулонами, как пить дать, уходить будет!

– Не твоя печаль. Оклемается – к делу приспособим. Сдаётся мне, что тебе просто лень возиться! Привык роды у баб принимать и пальцы алкашам местным вправлять, а медицину и позабыл, наверное. Чему ты своих оболтусов научить сможешь? Даже я знаю, что для врача операции всякие разные – первое дело!

– Подохнет он. Чего заморачиваться?

– Может, и подохнет... А ты его как наглядное пособие для учеников используй. Рассказывай, показывай, чего надо. Потом типа курсовой работы сделай – кто этого... выходит, тот и сдал. Пойми, надо тебе смену растить, надо! Понимаю, что не хочешь – хорошо одним доктором в посёлке быть, спокойно и сытно, и никакой конкуренции. Только ведь не молодеем ни ты, ни я. Молодёжь знающая всё едино нужна, как ни крути.

– Хорошо, попробуем... Поглядим, что из этого получится.

Очередная, ожидаемая вспышка боли. НИЧТО...

Глава 1

Я снова пришёл в себя и вот как-то сразу понял, что надолго. Попытался сориентироваться – медленно, изо всех сил борясь со слабостью, стараясь звуками и запахами дополнить черноту окружающего мира. Зрение пока отсутствовало. По ощущениям, верхняя часть лица была тщательно забинтована, и именно в ней находился один из эпицентров боли. Попробовал пошевелить пальцем – еле-еле вышло; головой – уже ничего не получилось, словно батарейки в организме напрочь сели, только с правой стороны засочилось по виску что-то липкое, неприятное...

Самое главное – я могу связно мыслить. Это хорошо, это очень хорошо! Один из моих самых глубоких, потаённых страхов – стать пускающим слюни и не отдающим себе ни в чём отчёта овощем. Насмотрелся на таких, лучше сразу подохнуть, чем растением существовать. Итак: меня зовут Витя; у меня были папа, мама и сестра; я строитель... Тоже был. Теперь поднапрячься и вспомнить, что произошло и где Зюзя... Зюзя! Что с ней?! Последнее воспоминание: собака истекает кровью, содрогаясь в конвульсиях. Неужели мертва? Не верю! Не хочу верить!!! Гнать, гнать от себя такие мысли! На помойку их! Доберман – жива! И точка!!! Столько раз выкручивалась, меня спасала – значит, обязательно живая, не так просто мою красавицу угробить!

Но гаденькая мыслишка неотступно проносилась в подсознании, подскрёбывая коготочками душу: «А если нет?»

Огромным усилием воли, породившим приступ нечеловеческой боли в голове, мне удалось притушить свои переживания. Не до конца, но вполне достаточного для того, чтобы приступить к анализу окружающего мира.

Втянул носом воздух; точнее показалось, что втянул – так, еле-еле понюхал. И сразу ощутил соцветие запахов крови, гноя, немытого тела, и примешивающихся к ним ароматов лекарств и безнадёжности. Где это я? Не в вагоне точно – на железной дороге своё амбре. На насыпи, где меня цапнуло? Тоже нет – под головой что-то слегка мягкое, а не гравий или рельсы.

Хорошо, обоняние пока оставим, обратимся к слуху. Опять напрягся, опять через висок к уху потекло что-то тёплое, опять боль...

... Далёкие, непонятные голоса – в ушах словно по комку ваты забито; стук, скрип; лёгкий, почти неразличимый птичий щебет и странное бульканье. Последнее слышалось особенно чётко, сконцентрируюсь на нём. По мере вычленения заинтересовавшего меня звука из общей палитры к нему, напротив, примешивались и другие: рваное, неоднородное, какое-то горловое сипение; гулкое, как при закрытом из озорства носе или при сильном насморке, неровное дыхание; едва уловимые, почти теряющиеся стоны.

Это человек! Сомнений не было! Вот только что с ним? Болен, или ранен? Скорее второе... Так дышат при проникающем ранении в грудную клетку, хотя очень легко могу и ошибиться – медицинским образованием я не наделён. Попробую заговорить – надеюсь, на это сил хватит.

Ничего у меня не получилось, даже шёпот выдать не удалось. Только сейчас, когда боль в голове немного утихла, чётко осознал – меня мучает жажда. Я чувствовал каждую трещинку на пересохших губах; жар, пропекающий горло насквозь; свой шершавый язык. Стало страшно – пуля не доконала, а вот от обезвоживания скопытиться могу вполне. Наверное, после таких траурных мыслей произошёл неконтролируемый выброс адреналина в кровь – иначе никак не объяснить мою бездумную попытку вскочить и побежать на поиски воды.

Естественно, незрячий человек, с трудом шевелящий пальцами, далеко убежать не может. И я не стал исключением – весь мой порыв вылился в конвульсию, новый взрыв боли, НИЧТО...

... На этот раз я очнулся от того, что мне прямо в рот, божественно увлажняя пересохшие внутренности, лилась ледяная, колодезная, такая вкусная вода. Много, расточительно выплескиваясь при моих судорожных глотках; пугая до дрожи тем, что это райское наслаждение влагой прекратится раньше, чем я смогу хоть чуть-чуть потушить внутренний пожар.

– Ты смотри, очухался! – радостно произнёс неизвестный, мужской голос. – Вот уж ни думал...

– Погоди радоваться, – перебил его второй, тоже мужской, но более низкий. – Тот тоже оклемался, и что?! Выматерился, подёргался, раны открылись, и вон – валяется, поддыхает, падла... Вся работа насмарку... И наставник за этого урода пилит, не отвлекаясь. Типа: «Ты же медбратом работал – вот и вспоминай, как к пациенту подходить!». Когда это было! Да и полгода всего в инфекционке прокантовался, туда таких не привозили! Отбросит коньки наглухо – и что делать? Я назад, в поля не хочу. Доктором сытнее.

– Вот как ты запел... А помнишь, когда распределяли наших подопечных, ты прямо гоголем ходил, – злорадно отвечал первый. – Прямо не знал, как погадостнее своё «фи» выразить. Мол, и подохнет мой, и руки у меня из одного места, и весь ты такой, прямо трандапуперный, молодец.

Смущённое покашливание.

– Проехали, – даже на слух было понятно, что прошлое ему сейчас вспоминать не хотелось. – Дай губку, я своему немного губы смочу. Поить его с такими дырками в груди и брюхе нельзя... – и неожиданно сменил тему. – Повезло нам обоим, что эти два ублюдка ещё живы. Мы к ним когда – позавчера в последний раз приходили?

– Два дня назад. Сегодня третий. И верно, как не подошли... загадка!

– Да ладно, наставник всё равно в отъезде. Эти не расскажут, сами не разболтаем. Дома ведь тоже работы непочатый край, никто за нас её не сделает. Хорошо, что такая оказия подвернулась. Я столько переделать успел – сам поразился! От зари и до полуночи вкалывать пришлось, но ничего, справился... Выучиться по медицинской части, конечно, очень хочется, вот только кормить нас во время учёбы никто не обещал. И не спрашивал нашего желания, по большому счёту...

Раздался фыркающий смех – весело им, уродам!

– Да я сам такой... как будто, кроме как сюда бегать и мух на ранах рассматривать, других дел у меня нет.

– Ты своему повязки менять будешь? – поинтересовался бас

– Главный дохтур приезжает когда? Послезавтра, утречком. Вот завтра вечером и помоем, чтобы не вонял сверх меры. А пока – на кой хрен оно тебе надо? Это ж не родственники, а наглядные пособия... – снова смех.

Шаги, скрип двери, тишина, разбавленная хрипами соседа.

Через полчаса голоса вернулись, и я схлопотал два укола в бедро, практически неощутимых сейчас. Что кололи – без понятия, однако хуже не стало, мозг сильнее, чем был, не затуманился. Наверное, лекарство получил от этих нерадивых «кандидатов в доктора». Лечение – это хорошо. Это мне сейчас очень нужно.

Больше всего беспокоила повязка на лице. Я понимал, что после залпа мой организм получил свою порцию железа. Вот только куда – определить не мог. Тело словно собрано из разных осколков, не особо подходящих друг к другу; голова вообще, как инородный предмет на плечах, своеобразный генератор раздражающих изнутри пульсаций. Голоса, как назло, эту важную для меня тему никак не затрагивали. Вкатили, что хотели, и ушли.

К моему огромному сожалению, в НИЧТО я больше не проваливался. Теперь лишь иногда забывался; периодически погружаясь в пограничное между сном и явью состояние; но в основном старался абстрагироваться от боли. Получалось плохо. Ни одна мысль не удерживалась дольше, чем на секунду и исчезала, не оставляя никакого следа. Пропало и чувство времени.

... – Эй! – толчок в плечо. – Ты меня слышишь?

– Д-да... – еле смог выдавить я. Никогда не думал, что одно слово может отнять столько сил.

– Сейчас повязку сменю, так что не дёргайся.

Руки неизвестного сноровисто сняли бинты и в глазах запрыгали радужные зайчики. Заморгал – ух, больно-то как, особенно справа. Присмотрелся – как-то непривычно, тоннельно получается. Как в трубу гляжу. Пусть. Вижу – уже хорошо, а что я вижу?

Передо мной стоял весьма крупный детина лет тридцати пяти отроду и внимательно, как редкую бабочку, рассматривал моё лицо. Неожиданно он замахал ладонью перед моим лицом.

– Сколько пальцев?

– Четыре.

– А теперь?

– Тр... – силы окончательно покинули меня.

– Понял, понял, три... Ну ты и урод!

Ни послать куда подальше, ни нахамить в ответ я не мог. Однако детина, против ожидания, не издевался. Он резво сбегал куда-то и притащил что-то плоское, пластмассовое. Став у изголовья, развернул эту штуку ко мне, и я увидел старое, с частично осыпавшейся амальгамой, зеркало. А вот в зеркале...

Никаких сомнений – это было моё отражение. Несколько похудевшее, синегубое, поросшее клочковатой шерстью средней небритости, в меру бледное и с одним лишь новым дополнением – на месте правого глаза была опухшая, сочащаяся то ли гноем, то ли сукровицей, багрово-мерзкая дыра.

– Насмотрелся? – зеркало исчезло, явив перед собой снова лицо этого неизвестного мне человека. – Даже не знаю, как тебя назвать – Счастливчик или Кривой. И то, и другое тебе отлично подходит. Будешь Кривой – мне так больше нравится. Хотя и везения тебе не занимать! Одна пуля по башке лишь чиркнула, погладила только, царапина осталась; другая через мягкие ткани правой руки прошла, тоже без серьёзных последствий; а третья рикошетом от платформы прямо в глаз угодила, на излёте... И не убила ведь! Граммульку до мозга не дошла! Кровищи ты потерял даже не знаю, сколько. А переливать тебе и нечего. До конца не верили, что выживешь, а ты – вон! Моргаешь лупеткой своей и жрать, небось, хочешь? Ну, с этим пока погодим. Я сейчас тебе дырки фурацилином промою, перебинтую и лежи, доктора жди. Он скажет, что с тобой дальше делать.

Как меня промывали, мазали какой-то мазью, бинтовали – почти не помню. Лимит моих сил на сегодня был исчерпан полностью. Однако и забвение облегчения не принесло. Урывками проносились странные видения: вот я, маленький, зачем-то лезу на забор; вот Зюзя скалится неизвестно на кого; вот птица дрозд пляшет ламбаду в одиночестве, да ещё с коленцами; вот лампочка – она тухнет и зажигается, тухнет – и зажигается, вызывая истерику и слёзы...

Постепенно бред перешёл в тревожный, не глубокий сон, из которого меня традиционно вывели голоса.

– Ну, как тут эти, пленные?

– Нормально, Евгений Юрьевич. Тот стабильно тяжёлый; этот, без глаза – вроде на поправку идёт. Делали всё, что вы наказывали.

– Хорош врать. Знаю я, что вы и как делали в моё отсутствие. Доложили уже. Надеюсь, нет нужды напоминать, что тут никто никого не держит? Мне лично ученики без надобности. Сами

знаете – вы тут не по своей воле учитесь, я не по своей воле учу. Поэтому давайте максимально быстро доведём наши отношения до расставания. Чтобы в последний раз такое было...

– Да мы понимаем, – вразнобой ответили первый и второй голоса.

– Снимите повязку с головы. Зачем вы его до самого носа упаковали? Ладно, пока без сознания лежал – так проще было, согласен. Но раз пришёл в себя – оставьте мужику хоть один глаз, на мир любоваться.

Когда моя голова освободилась от повязки, удалось рассмотреть и доктора. Им оказался интеллигентного вида мужчина лет шестидесяти. Полный, с внушительной, блестящей лысиной и цепкими, внимательными глазами. Не говоря ни слова, он без церемоний начал своими сильными, ловкими пальцами мять сначала опухоль на месте глаза; потом что-то смотрел на затылке, немилосердно, до хруста в шее, повернув мою, гудящую колокольным звоном, голову; потом разглядывал руку. Закончив осмотр, этот Евгений Юрьевич поцокал языком каким-то своим мыслям, посмотрел куда-то влево и сказал:

– С этим понятно. Покормить больного не забудьте! Зря он, что ли, не смотря на все ваши старания, выжил! Второго катите в операционную. Учиться будем. Трупов у нас, к моему глубокому сожалению, пока нет... Поленились набрать...

Что-то с неприятным, железным звуком покатилося, застучали подошвы, хлопнула дверь, и я остался один.

Чем заняться лежачему больному? Правильно – ничем, кроме созерцания белого, чистого, явно недавно подновленного потолка. Ламп, люстр, проводки – ничего не было; убрали за ненадобностью при ремонте, видимо. Такое развлечение мне быстро надоело, и я перешёл ко второй части программы по убиванию времени – стал вслушиваться. Это оказалось гораздо интереснее. За дверями периодически проходили, судя по интенсивности шагов и громкости походки, разные люди. Хлопали двери, кто-то чихал.

Незаметно для себя уснул. Не знаю, сколько пробыл в объятиях Морфея, однако разбудил меня уже знакомый звук вкатываемого предмета. Перед глазом появилось лицо отвечающего за мою тушку мужика.

– Рот открой. Жрать будешь. – и действительно, стал меня кормить водянистой, не солёной кашей.

Когда трапеза закончилась, он снова заговорил:

– Звать меня Юрий Николаевич, я тебя лечить буду. Пить хочешь?

– Нет... – выдохнул я и задал свой самый главный вопрос. – Что с собакой?

Детина помолчал, внимательно глядя на меня, неодобрительно покачал головой.

– Так это твоя тварь... Нашёл с кем спутаться...

Я не отвечал. Смотрел ему в лицо, не отводя взгляда, и ожидал ответа. Любого, всё приму. Нечеловечески тяжела неизвестность.

– Да жива она! Пулю достали, зашили. Не была бы доберманом – там бы и кончили! Но, так как породистые твари сейчас в большой цене, лечат лучше, чем человека. Доволен?

– Да...

Самое главное я узнал – она жива! Остальное приложится. Теперь надо как можно скорее на ноги встать.

... Прошла неделя. Моё состояние улучшалось, хотя и не сказать, что быстро. По-прежнему получал свои уколы, таблетки, перевязки. Раз в сутки приходила неопрятная, неразговорчивая старуха и меняла утку подо мной, вполголоса проклиная одновременно всех и никого конкретно. Что поделаешь, человек такой. Ей бы на лавке у подъезда сидеть, всех проститутками-наркоманами поругивая да обсуждать сериалы с такими же, как она, старыми склочницами. Но не сложилось – из бабкиного бурчания я понял, что она тут за еду ходит за лежачими и убирает; а платят ей мало, а сыночек пропойца, а соседи уроды, каких не бывает... Обычно такие старухи любят поговорить – им всегда не хватает свободных ушей и внимания, но тут

не повезло. Любые попытки задать даже самый невинный вопрос нарывались на жёсткое: «У доктора спрашивай. Отстань!»

Узнал, кто лежал рядом со мной на соседней койке-каталке – старший лейтенант Серин. Он умер на следующий день после того, как я очнулся, не приходя в сознание. При мне произошло – боец лежал, мелко дыша простреленной грудной клеткой, а затем неожиданно выгнулся, захрипел, прошла судорога – и затих. Честно попытался позвать на помощь – да куда там! Никто мой слабый голосок не услышал, до обхода вместе с трупом в одном помещении находился. Неожиданно вспомнилось, что мы со старлеем тут двое суток никому ненужные валялись и смерть парня, вполне возможно, на руках этих «кандидатов в доктора», решавших свои проблемы и забивших на раненого. Пока не знаю, на каких правах я тут, но заручку в памяти сделаю. Дальше видно будет. Серин мне был хоть и никто, но вот так бросать живого человека подыхать – неправильно, не по-людски. Гуманнее добить.

Как не пытался во время перевязок узнать хоть какие-то подробности про добермана – ничего не сообщали, ограничиваясь: «Ты думай, как не подохнуть, а не о твари паскудной!».

Смерть подчинённого Коробова местные эскулапы восприняли абсолютно спокойно. Доктор, осмотрев тело, лишь негромко бросил своим ученикам:

– Везите в операционную – будете швы учиться делать. Потом закопаете поглубже, морга у нас всё едино нет, так что хранить негде.

В первый же день, когда я смог кое-как подняться, меня, ближе к вечеру, полуповели-полупотасили в кабинет Евгения Юрьевича, благо он располагался тут же, неподалёку от моей палаты.

– Встал? Значит, на выписку... Нечего место занимать. Отведите его к Михалычу.

Я даже вякнуть ничего не успел про своё отвратительное самочувствие, необходимость дальнейшего лечения и про то, кто такой этот самый Михалыч, как был водворён обратно в палату. Ничего не понимая, прилёг в ожидании. Теперь долго в горизонтальном положении при любом удобном случае находиться придётся – сил-то ведь нет никаких. Пока ещё в старую физическую форму вернусь... Сейчас и соплём перешибёшь Витю без особого напряжения.

Минут через пять вошёл Юрий Николаевич, «медурод» – как я его про себя окрестил из-за Серина, и кинул мне мои вещи, покрытые запёкшимися бурыми потёками и грязью.

– Одевайся, пойдём, – сквозь зубы процедил он. – Все домой идут, вечереет уже, а я тут, с тобой таскайся...

Сел на койку, начал одеваться. С верхней частью гардероба справился без проблем, только морщился, натягивая пропахшую потом и кровью рубаху. А вот с брюками вышло нехорошо. Когда привычно наклонился для удобства, просовывая ноги в брючины, голова неожиданно закружилась, и я упал, ударившись лбом об пол. Меня вытошнило, руки обмякли, безвольными плетями извиваясь в попытках найти опору и хоть как-то поднять тело. Не получилось...

Неожиданно я взлетел, поддерживаемый сильными руками, и оказался снова на койке, пытаясь прийти в себя и хоть немного договориться с разрывающим череп изнутри приступом боли.

– Нда... – протянул будущий доктор. – Как тебя выпроваживать? Не на себе же...

Я молчал, прикрыв глаз и пытаюсь вернуть себе способность здравого рассуждения, вытесненного из головы мучительными спазмами страданий. Получалось по-прежнему плохо, однако часть меня уже могла обращать внимание на слова этого человека.

– Пошли, чего расселся?! Доктор сказал – здоров, значит – здоров! Да пошевеливайся ты! – рывкнул детина, подхватив меня за шиворот и вздёргнув на ноги.

Как мне удалось не упасть повторно – сам не знаю. Но смог, стоял как трость, ветром колеблемая. Заботило другое – по правой щеке опять катились вниз тёплые, липкие капли. Это заметил и «медурод». Он резво натянул на меня брюки, даже пуговицы застегнул, а потом

закинул мою руку себе через плечо и потащил в коридор. Не особо помню, как оказался в манипуляционной – именно на неё была похожа светлая комната с табуретом, кушеткой, прозрачными шкафами и гинекологическим креслом в углу.

Усадив на кушетку и привалив меня спиной к стене, Юрий Николаевич сноровисто снял повязку, отлепил марлю и, тщательно осмотрев раны, удовлетворённо буркнул:

– Ф-ф-фух... Слава Богу! Ничего страшного, а то было бы мне... сейчас повязку поменяем и пойдём.

– Вы что, не видите, что я полутруп, – решившись, осмелел я. – Я стою лишь силой воли, а идти не могу. Ни не хочу, а именно не могу.

– И что? – поинтересовался детина, закончивший к этому моменту промывать мою пустую глазницу и уже лихо наматывающий бинт. – И что?! Я вообще не понимаю, на кой тебя сюда припёрли, а не кончили, как остальных. Ладно, Михалычу новые доктора необходимы – это понятно, и то, что вас как учебных подопытных привезли – тоже. А зачем?.. Мы же из того, что нам наставник на тебе объяснял и показывал, ни хрена не поняли. Потому что без учебников, без теории... Дичь полная, сплошная латынь и прочие зехеры неясные. Понятно, Юрьевича напрягли – он учит нас. Вот только толку никакого, и с тобой одна возня ненужная. Я домой хочу, там дел полно, баба моя ждёт... Больничка нам пока не платит, и платить, я думаю, в обозримом будущем не будет. Видишь, как вляпался – и отказаться нельзя, и жить как-то надо. Всё. Готово! Как новенький!

Он опять закинул мою руку себе через плечо и, подпирая своим боком, потащил из манипуляционной на улицу. Мне оставалось лишь имитировать ходьбу, слегка перебирая ногами. Когда оказались на свежем воздухе, не мог надышаться. Казалось, только сейчас почувствовал себя живым окончательно. Запах предвечернего зноя, трав, лёгкого дымка от уличной печи – словно помогали, добавляли сил. Попробовал даже пойти сам, но надолго запала не хватило – опять повис на «медурode». Между тем он не прекращал бубнить:

– Крови ты потерял много очень, как не подох – не понятно. Потому тебе надо много пить и хорошо жрать, желательно мясное. Хотя, с последним... маловероятно очень. Короче, не забывай пить. Каждый день приходи на осмотр, я пока за тебя ещё отвечаю. Будем промывание делать. Таблеток и уколов на тебя нет. Доктор выписал – значит, не нужны... В общем, считай себя на амбулаторном лечении.

Я кивал головой, слушая его в пол уха. Итак, понятно, что живой я почти по собственной инициативе. И никто ради меня в лепёшку тут расшибаться не будет. Ладно, не беда. Найду подругу – и сбегу. Не может быть, чтобы я – и не сбежал. Хотя в таком состоянии и с моим опытом побегов – может вполне... В голове опять всё затуманилось, резкость в единственном глазу затянула мутная поволока усталости, не дающая различить почти ничего, кроме светлых и тёмных пятен – что поделаешь, не слишком комфортно мою тушку транспортировали. Рас-трясло...

Пока рассусоливал сам с собой в таком духе, детина дотащил меня до высоченного, не менее четырёх метров, серого пятна и гулко постучал в него. Откуда-то сверху проорали:

– Чё ломишься?!

– К Михалычу. Доктор прислал.

– А-а-а... – протянули сверху. – Заходи.

Открылся светлый проём. Догадался – калитка. Кто-то, обдав меня кислым, вперемешку с луком, запахом, лениво процедил:

– Щас. Тут постойте. Михалыч выйдет – тогда пойдёте.

– Ага, – тяжело вздохнув, протянул мой носильщик.

Однако ждать долго не пришлось. Минуты через три кто-то громкий, зычный, раскатисто рявкнул:

– Чего тебе?! И что это ты сюда припёр? – последние слова прозвучали несколько растерянно.

– Евгений Юрьевич велел вам привести. Сказал – пациент уже на своих ногах стоит, значит теперь он ваш. Как вы с ним и договаривались.

Смущённое покашливание, вздох.

– Ох и старый жук... напарил меня... Я же имел ввиду, что встанет – это когда выздоровеет. А он вон что... – неожиданно у меня прямо под ухом громко, вызывая резонирующее эхо в голове, проревело. – Ты меня слышишь!!!

– Угу, – оглушённый такими децибелами, только и смог промычать я.

– Иван Михалыч, – вклинился в разговор «медурод». – Я свою работу выполнил, лечение Кривому рассказал...

– Кому?!

– Кривому. Мы ему такое погоняло дали.

– Ну да... Точнее не скажешь.

– Так это... я пойду?

Вздох.

– В сарай за домом его отнеси. Потом решу, что с таким доходягой делать.

Детина резво, почти бегом, совершенно не обращая на моё, бултыхающееся в воздухе при такой скорости, тельце, понёсся вперёд. Что-то лязгнуло, скрипнуло, и я кулем рухнул на сухую, даже немного колючую, солому. Снаружи раздался хозяйский голос:

– Ведро ему там поставьте для оправки и пожрать чего сгоношите.

Снова скрип, лязг, провал в беспамятство...

... Не знаю, сколько я провалялся в отключке на этот раз. Когда открыл глаз, то увидел сумерки. Утро или вечер? Хотя, какая мне разница? С трудом сел, осмотрелся: помещение, больше всего похожее на сарай размером три на два метра, до половины заваленное соломой; окошко под потолком – маленькое, грязное, с треснувшим стеклом. У двери без каких-либо признаков запорных устройств (понятно, с наружи закрывается) – старое ведро; помутневшая от времени, измятая пластиковая полторашка с водой и миска застывшего, малоаппетитного серого хлеба.

Напился, начал кушать. Ложку мне положить забыли или специально не стали этого делать – пришлось руками отламывать небольшие, слизкие куски и чуть ли не насильно запихивать их в себя, борясь с тошнотой. Надо есть, надо! – внушал я себе, приговаривая: «За Зюзя, за добермана, за ушастую, за её прекрасный нос...». Покончив с приёмом пищи, снова напился и, подумав, опять завалился спать. Во сне выздоравливаешь быстрее. Хорошо, что подпорченная рука не беспокоит. Только чешется сильно под повязкой, хоть вой.

На этот раз разбудил меня звук открывающейся двери. Вместе со светом с залитого солнцем двора вошёл крепкий, с поломанными ушами и походкой борца, мужчина. Не говоря ни слова, он поставил новую тарелку с кормом, баклажку, сменил ведро и так же, молча, удалился.

Опять повторил процедуру по насильственному поглощению пищи, опять напился. Становилось скучно, сон не шёл. По здравому рассуждению, стучать в дверь и искать правду я не стал. Потому что свято помнил: «Инициатива имеет инициатора». Неприятности сами меня найдут, они такие... Улёгся на сено, принялся размышлять – тоже, кстати, не самое вредное занятие. Сначала прокрутил, практически посекундно, в голове то самое злополучное утро у паровоза; потом попытался реконструировать все разговоры и их обрывки, которые довелось услышать в больнице. Ничего не сходилось – слишком мало я знаю, слишком много пропустил.

Погрузившись в себя, не услышал, как открылась дверь – просто в один момент в сарайчик ворвался свет, а потом спрятался за огромной, двухметровой широкоплечей фигурой, которая вошла в моё обиталище, склонив голову, чтобы не треснуться о притолоку.

– Валяешься, Кривой?! – раздался уже знакомый, хозяйский голос.

Я присмотрелся – это был здоровенный, короткостриженный мужик с фигурой атлета. Тугие, шарообразные мышцы рук и груди не скрывала даже простая льняная толстовка из белого, непрозрачного, полотна; а широкие, удобные штаны слегка обрисовывали колонноподобные ноги. На вид ему было лет пятьдесят. Шишковатый череп, сплюснутый нос, глубоко посаженные глаза, сбитые кулаки – типичный привет из 90-х. Так и чудилось, сейчас разговор пойдёт с использованием: «В натуре... Ты чё... Реально... Не понял...». Но я ошибся. Вместо этого зазвучала правильная, хорошо поставленная речь:

– Валяйся, валяйся... Ещё завтрашний день даю тебе на отдых, а потом работать. Я приживал и дармоедов не жалую. Не переживай, шлакоблок грузить тебя никто не погонит, пока на лёгком труде побудешь, а там видно будет, что с тобой делать. Вопросы?

Мне очень, до зубовного скрежета, хотелось узнать о судьбе Зюзи, однако сдержался. Понимал, не надо излишнюю заинтересованность проявлять. Вместо этого решил побыть глупеньким. Спросил:

– Вас зовут Иван Михайлович?

– Да. Можно просто – Михалыч.

– У меня были сапоги. Не знаете, где они?

Он весело, заразительно рассмеялся, в избытке позитивных эмоций похлопывая себя по коленям.

– Молодец! Учён жизнью – сразу о главном! Ни тупого нытья, ни праведных воплей! Сапоги! Ха-хах-ха!!! Не знаю я, где твои сапоги, – отсмеявшись, продолжил он. – Наверное, кто-то из моих красавцев на память с тебя там, на насыпи, снял. Не переживай, найдём тебе тапочки! Всё! Выздоровливай. Перевязку тебе сегодня придут и сделают! – и, словно самому себе. – Совсем обнаглели. Притащили дохлятину, ещё и на осмотр её води...

Через час объявился ученик доктора, наложил свежие повязки, покрыл меня матом за то, что он вынужден таскаться взад-вперёд из-за всяких кривых уродов. Из всей его ругани я вычленил главное – рана на месте правого глаза понемногу заживает. А остальное – переживу. Неожиданно внутри появилось беспокойство: «Как я теперь стрелять буду? Переучиваться придётся полностью!». Ладно, фигня...

... Прошёл обещанный день отдыха, в течение которого я лежал, размышляя о многом и ни о чём. Все мысли, как ни старался отвлечься, возвращались к моей подруге. Как она там?

Глава 2

– Я – Митяй, завхоз здешний, – неказистый с виду, весь какой-то сморщенный, плюгавый мужичок сунул мне в руки метлу. – Теперь ты в моём подчинении. Дворником пока потрудишься. На полном пансионе – с харчами и крышей над головой.

– А потом кем буду? – попытался я прояснить свои дальнейшие перспективы.

– Михалыч решит, что с тобой делать и куда тебя девать, урода такого. Не отвлекайся! Подметать будешь задний двор, мусор сваливать в вёдра у дальнего забора. Оклемаешься окончательно – тогда и поговорим.

С этими словами он круто развернулся на каблуках, и прыгающей, немного смешной походкой направился к калитке на «чистую» половину усадьбы.

Да, это была именно усадьба. На сколько смог рассмотреть – в её центре стоял красивый, трёхэтажный домина тёмно-бурого кирпича в английском стиле, весьма обезображенный торчавшими из его стен новодельными дымоходами, сваренными из труб. Правильно, газа или электричества сейчас нет для отопления такой вот громадины, потому и понатыкали печурок в каждой комнате. Изначально такие хоромы строились разве что с элегантным камином, выполнявшим скорее декоративную функцию. Богато живут нынешние власть имущие, ничего не скажешь. Без истопника тут никак – а он тоже не бесплатный.

По периметру участок окружал высоченный забор с егюзой, разделяя внутреннюю территорию дополнительной, поперечной стеной на две половины. В одной, «чистой», находился дом, виднелись верхушки ёлок. На другой – здоровенный дровяник с примыкающей к нему моей каморкой; добротные ангары складского вида, запертые на крепкие замки; сторожка у запасных ворот с читающим что-то охранником; колодец и уличный туалет. Масштабно, одним словом: только видимый мною участок был размером не менее гектара. А ведь мне его ещё и в чистоте держать, без вариантов, сачковать не получится. Надо, надо убедить всех в том, что дурковатый Витя Кривой безопасен и глуп, как пробка. Тогда бежать легче будет. Кандалов на ногах нет (тут меня передёрнуло при воспоминании о Фоминских украшениях для эзков), а этого уже не мало. Вот только добермана найду, и в путь.

Вверенная под мою опеку территория оказалась относительно чистой, так что уборка, на удивление, напрягла не особо. Приходилось, конечно, часто останавливаться и отдыхать из-за слабости, но к вечеру управился. Сделал робкую попытку заговорить с охранником, но он в ответ на меня зыркнул так недовольно, что я поспешил отвязаться с расспросами.

Следующий день был точной копией предыдущего: мужичок, ковыляние с метлой по двору, приступы боли, сон взаперти, разбавляемый всё теми же приступами.

На третьи сутки моего пребывания в гостях у Михалыча меня, что называется, «повысили». Утром, только вышел из сарая, Митяй провёл меня через калитку в заборе на жилую половину усадьбы и объявил:

– Тут всё уберёшь. Как закончишь – попроси на воротах тяпку. Говно из вольера с тварью выгребешь. Инструмент вернёшь потом на место. После всю собранную срань на задний двор вынесешь, сам знаешь куда.

Стараясь не выдавать своего волнения при упоминании твари, пробурчал: «Угу» и начал неторопливо шаркать метлой о красивую, разноцветную брусчатку двора.

Здесь оказалось просто великолепно, как в парке. Вокруг особняка росли немолодые, роскошные голубые ели, сосенки и всевозможные туи. Между ними расположились клумбы, сплошь покрытые можжевельником с вкраплениями больших, раскидистых розовых кустов; встречались элегантные заросли самшита. Перед домом лысела парковочная площадка десять на десять метров, на которой стоял внушительных размеров надувной бассейн. Справа уютно расположилась лужайка с детской горкой и разбросанными игрушками, а за ней, в глубине

двора, виднелись беседка и аккуратная банька. Слева от парковки – вольер, сделанный в одном с домом стиле; с кованной решёткой, в которой находилась небольшая дверца для того, чтобы, не заходя внутрь просунуть обитателю этой красивой тюрьмы миску с едой или водой.

Прямо, возле закрытых, добротных ворот, укрылись в ухоженной зелени небольшая сторожка и вышка с угнездившимся на ней плотным, невысоким мужчиной, вооружённым автоматом.

Меня интересовал вольер. Хотелось отбросить метлу и, стремясь, побежать; прикинуть к решётке, чтобы разглядеть – кто внутри. Еле сдержался. Приблизился к нему в последнюю очередь, заглянул. В открытой части оказалось пусто, и лишь крупная, рассчитанная на алабая или овчарку, будка скрывала кого-то. Вот только кого – не разобрать.

Огорчившись, направился к воротам и, задрав голову, обратился к человеку на вышке:
– Тяпку дайте. Убрать в вольере надо.

Охранник ничего не ответил, только сплюнул на улицу, зато из сторожки вышел тот самый крепыш, который приносил мне еду. Не говоря, по своему обычаю, ни слова, он скрылся за углом, а через минуту вернулся и вручил запрашиваемый инвентарь. Пока его ждал – жадно, стараясь не выказывать своего любопытства, осматривался. Чуда не произошло, запоры и замки на воротах оказались сделаны на совесть. Здесь не пройти.

Я заковылял обратно и начал, просунув инструмент между прутьями ограждения, имитировать работу – внутри убирать оказалось практически нечего. При этом тихо, но настырно не прекращал звать:

– Зюзя... Зю-у-зю... Подруга...

В будке кто-то зашевелился, и из её тёмного провала слабо раздалось:

– Витя?..

Я чуть не подпрыгнул от радости. Живая! Нашёл! Живая!!! И чуть не совершил ошибку. Уже собрался подойти как можно ближе и узнать, как она там, когда неожиданно всей кожей почувствовал, а уж потом и заметил, пристальный взгляд с вышки. Скучно ему там, бдительному такому... Не видел, как дерьмо убирают?

– Молчи. Потом поговорим, – как можно тише прошепел я. – Сейчас опасно.

Вместо ответа моя спутница высунула голову из своей конуры. У меня аж сердце защемило. Вместо красивой, женственной, блестящей шерстью на солнце собаки на меня смотрело серое, болезненное, грустное существо с тусклыми, безжизненными глазами. Шею добермана обхватывал широкий брезентовый ошейник, от которого к забетонированному в пол кольцу шла короткая, сантиметров семьдесят, цепь. Вот суки!!! Она же живая! Как так?!

Я даже не мог представить, что такое для выросшей на свободе, доброй и весёлой Зюзи оказаться мало того, что за решёткой, так ещё и на цепи. Накатил очередной приступ, голова словно взорвалась терзающими молниями. Однако впервые я на это не обратил никакого внимания. Ярость, замешанная на ненависти, победила боль. Ненавижу! Не-на-ви-жу!!! Чума на их дом!

От вспышки неконтролируемого гнева меня спасло лишь то, что в тот момент я был слабее мышонка. Всех эмоций хватило только на сущую мелочь – до хруста в костяшках, до щемящей боли в пальцах сжать черенок тяпки. И всё. Я обмяк, опустившись на брусчатку и глотая слёзы злости от бессилия и презрения к самому себе.

С вышки раздалось:

– Чего расселся! Тут тебе не парк с лавочками. Закончил – мотай отсюда!

Этот презрительный окрик отрезвил не хуже ведра с ледяной водой, даже помог внутренне собраться в какой-то степени. Опустив низко голову (почему-то казалось, что, увидев моё лицо, все поймут, насколько сильно мне хочется всех их убить), с трудом встал, для виду бормоча слова извинений. Собрался с духом, снова посмотрел в вольер.

– Витя... – резанул меня по живому голос в голове. – Помоги...

– Помогу. Жди. Потом. – прошептал я, очень надеясь, что мой голос ни кем, кроме спутницы, услышан не будет.

Взгляд выхватил две миски, стоящие примерно в метре от входа в будку. Вода и несвежая, застывшая еда, очень похожая на ту, которой и меня потчуют. А как она достаёт? А никак... Вот уроды... Из страха или лени даже миску пододвинуть разумной лень. Зачем она им, с таким уходом? Голодом уморить? Не понимаю...

Просунул черенок, передвинул миски поближе. Зюзя высунулась до половины из будки и принялась жадно, с прихлёбыванием, пить. Пей, милая, пей! Это ничего, что на цепи. Главное – встретились!

Казалось, она прочла мои мысли! В её антрацитовых глазах загорелся лёгкий, почти неразличимый, огонёк жизни. В то же время я увидел несвежую повязку, обёрнутую вокруг шеи. Значит, не врал «медурод», лечат и её. Хорошо... Чем быстрее наберёмся сил, тем быстрее сделаем ноги отсюда.

Дальше крутиться у вольера становилось попросту опасно. И так слишком долго я тут вожусь, а лишнее внимание мне сейчас совершенно ни к чему. Шепнув на прощанье: «Жди», заковылял обратно, на задний двор, не забыв вернуть тляпку.

Вся вторая половина дня и вечер до отбоя прошли в тяжёлых раздумьях. Я снова и снова прокручивал в памяти расположение, постройки двора, силясь найти путь к побегу. Ничего не получалось. Забор не преодолеть, а даже если каким-то чудом и удастся – что дальше? Что там? Куда идти? Ответов у меня пока не было. Вдобавок требовал безотлагательного решения очень простой вопрос, постоянно напоминающий о себе: что делать, если нас снова разлучат? Или меня куда-нибудь законопатят, или от добермана избавятся? Не знаю. Значит, надо в доверие втираться, по-другому никак. Лапочкой для них надо стать.

Не нужно думать, что у меня амнезия. Я отлично помню, при каких обстоятельствах попал сюда. Вот только кто эти люди? Какое они имеют отношение к тому залпу на железной дороге? Разберусь потом. Первоочередная задача – придумать, как Зюзю вытащить.

А может, наловить мышей, передавить их и трупик в колодец кинуть незаметно, чтобы все отравились? Нет... Это бред, от безысходности... Тогда что?

От невесёлых мыслей меня оторвал звук открываемой двери. На пороге стоял доктор. Рядом с ним держал фонарь, со свечой внутри, охранник с задних ворот. Поздно они сегодня...

– Снимай верхнюю одежду. Осматривать тебя буду.

Я разделся, эскулап небрежно снял повязки, тщательно осмотрел.

– В целом, на удивление, нормально. Жить будешь, а вот как долго – не от меня зависит. Больше я к тебе не приду. С руки бинты снимешь дня через два. С головы – ещё пара-тройка перевязок, и можешь себе пиратскую повязку цеплять. Рану желательно промывать. Советую отвар ромашки. Если нет, то можешь собственной мочой. Только вонять будешь сильно. Вопросы? – больше для проформы спросил он.

– Что делать с приступами головной боли? – не замедлил поинтересоваться я. Очень, знаете ли, животрепещущий вопрос. – Каждый день по несколько раз происходят.

Евгений Юрьевич нехотя, с некоторой ленцой и тоном, каким поясняют два плюс два тупому недорослю, ответил:

– Ничего. Так жить. Видимо, нерв задет. Со временем беспокоить меньше станут, но полностью пропадут вряд ли. Можешь обезболивающие препараты принимать, если найдёшь. Или в мазохисты запишись – тогда хоть удовольствие получишь.

И ушёл, не прощаясь.

На следующий день я опять убирал перед домом. Чтобы хоть как-то задержаться неподалёку от подруги, по собственной инициативе начал собирать прошлогоднюю листву на клумбах, изумительно запутавшуюся в вечно зелёных ветках кустарников. Такое рвение не осталось незамеченным. Ко мне подошёл всё тот же неказистый мужичонка, который Митяй, долго

смотрел на мои потуги, на длинные передышки (тяжело пока наклоняться, голова болеть сверх обычного начинает), а после принёс низенькую скамеечку и поставил рядом.

– На. Смотреть не могу, как ты на коленях тут ползаешь. Ещё потопчешь чего... Аккуратно переставляй, понял?!

– Да, спасибо...

К Зюзе добрался только к вечеру, когда охранник на вышке, откровенно скучая, лениво перебрасывался словами с кем-то с улицы.

– Привет! Запоминай! Ешь, пей, слушайся – делай всё, чтобы понравиться, и чтобы от тебя не избавились. Нам надо набраться сил для побега. Я буду приходить как смогу. Не переживай, всё будет хорошо.

– Да. Я буду хорошая...

– Вот и умница. Помнишь Колобка? Мы – не хуже. Тоже от всех уйдём. До завтра, мне надо идти.

Закончив уборку, я уже направлялся к своему сарайчику, как откуда-то справа раздался старческий, дребезжащий голос:

– Жив, сынок? Странно... Подойди.

Автоматически обернувшись на голос, я увидел ... Василия Васильевича, того самого машиниста с того самого паровоза. Он рассмеялся:

– Что? Не ожидал? Ух ты, каким красавцем стал!.. Да ты мордочкой не сверкай, не сверкай! Не испугаешь! Хе-хе... Думаешь, не видим, как ты вокруг своей твари увиваешься? Наивный... Да за тобой четыре пары глаз наблюдают постоянно, лопух. Не веришь? Из караулки – раз. С вышки два. Из дома – три и четыре. Так что даже можешь попробовать на меня броситься. Интересно, сколько шагов успеешь сделать? Проверим? – и снова мелкий, дробный смех.

Обалдев, я не знал, что и говорить. Но словоохотливому старичку, похоже, ответы были не слишком нужны.

– Лучше бы ты подох там, на насыпи, парень. Толку от тебя – ноль целых хрен десятых. Продать такого уroda – себе дороже; кормить бессмысленно; в работники – да кому ты сдался? Нет, надо Ваньке сказать – пусть тебя шлёпнет, – хитрый, с прищуром, взгляд буравил меня. – Какой в тебе смысл? Вот в твари твоей есть. Пускай для престижа живёт, в клетке. Сейчас чистопородным доbermanом никто не похвастается. Тварям – им ведь как? Расовая чистота нафиг не нужна. Им плевать – болонка ты или пудель какой... Хвост задрала – и давай ублюдков клепать! Чего вылупился, одноглазик? Иди давай... скоро детишки выйдут поиграть – нечего им на твоё бинтованное, паскудное рыло смотреть, мумия недоделанная... Ещё кошмары мучать станут.

Кипя внутри от ненависти, я развернулся и побрёл к калитке на задний двор. В одном из окон шевельнулись занавески, и мне удалось разглядеть за стеклом внимательный, холодный взгляд. Не врёт пенсионер, чтоб он подох в корчах, охрана в доме честно свой хлеб отрабатывает. Ладно, посмотрим, кто кого.

А ночью у меня появился собеседник. Пытаясь отвлечься от дежурного приступа головной боли, я начал петь. Негромко, стараясь не привлекать к себе внимание. Слуха у меня нет, а вот энтузиазма в тот момент было сверх всякой меры. Неожиданно послышалось: «Не спишь, Кривой?»

Голос был определённо не знаком, однако зачем отмораживаться? Я согласно ответил:

– Нет. Скучаю.

За дверью кто-то зашебаршил, побряхтел, словно садился и устраивался поудобнее.

– Меня Боря звать. Как и ты – бессонницей маюсь. Вот, решил с тобой ночь скоротать.

Это оказался охранник из ночной смены, до крайности нудный и тоскливый мужик. Пока его напарник наглým образом игнорировал свои обязанности, похрапывая в караулке, Борис

болтал со мной. Как я понял, со спящим у него был уговор: тот ему за спокойный сон долю отдавал с зарплаты, а неспящий честно тянул лямку за двоих. И всё бы хорошо, да только бодрствующему было откровенно скучно в одиночестве – вот он и пришёл ко мне, время убивать.

Нет, никто меня выпускать для посиделок на завалинке под луной и душевного общения не собирался. Через дверь говорили. Ну, как говорили... говорил. В мои уши лился унылый, нескончаемый монолог.

Слушать этого... страдальца было просто невыносимо. На меня непрерывным потоком лились жалобы на дуру-жену, на женский пол в целом, на дороговизну, на снег, на жару, на весь мир. И слова вставить не давал! Приходилось терпеть, согласно поддакивая и не особо вдаваясь в текст. Больше скажу! Складывалось впечатление, будто человек радостно тонет в яме с экскрементами и, вместо спасителя, ищет себе компаньона.

Редко, очень редко у меня получалось свои пять копеек забросить в беседу так, чтобы он их заметил и дал ответ. Как правило, сбивчивый, невнятный, пропитанный внутренней неустроенностью.

Дежурил Боря каждую ночь; спал, похоже, днём, а потому через три дня общения я хотел его убить, несмотря на возможные последствия.

С другой стороны, по отдельным оговоркам этого горе-охранника сложилось общее впечатление о месте, куда нас с Зюзей занесла судьба. Это оказался довольно крупный посёлок недалеко от Белгорода, рядом с железной дорогой, почти полностью жилой. Собрался здесь народ, совершенно неприспособленный к созидательному труду и предпочитающий быстрые доходы; по сути не брезгующий ничем. Одним словом, тут обитала до неприличия разросшаяся банда мусорщиков с неплохой материальной базой.

Основным видом деятельности аборигенов являлось мародёрство во всех проявлениях и в промышленных масштабах. Артели, состоящие из самых разных в прошлом социальных слоёв, рыскали по ненаселённым пунктам и собирали всё, что хоть как-то годно к обмену и не приколочено. Потом подгоняли паровоз с вагонами, грузили добычу и отвозили на рынок. В основном в Харьков, но и в Белгороде было что-то подобное тоже, только масштабом поменьше. Выбор конечной станции напрямую зависел от того, какой товар имелся в конкретный момент.

Наиболее ходовой вещью считался металлопрокат. Возрождающаяся цивилизация на юге с удовольствием брала швеллер, уголки, листовой металл. В обмен шёл уголь, небольшие партии низкосортного бензина, продукты. Сейчас все силы мусорщиков были брошены на Старый Оскол. Город хоть и находился далеко от посёлка, но имел хорошие подъездные пути к складам и большие запасы всякого добра. Дело тормозилось только отсутствием крана, потому погрузка на платформы осуществлялась вручную, своими силами. Трудоёмкий процесс, что и говорить. Однако и эта проблема понемногу решалась – что-то там восстанавливали.

Помимо вышеописанных источников для существования, местные, включая несколько фортиков поблизости, не брезговали и мелким огородничеством, и разбоем, и рэккетом купцов, и людоловством. Последнее было так, по ходу жизни. Нашлись на севере людишки бесхозные, которых можно обобрать до нитки и продать – хорошо. Не нашлись – всем грузить прокат или чего нашли.

Историю моего попадания сюда Борис не знал, потому что по природе своей ничем, кроме собственных переживаний, не интересовался. Зато поведал, что живу я у авторитетного человека «под которым тут половина посёлка ходит» Ивана Михайловича. Под кем «ходит» вторая половина – уточнять даже не стал – нет у меня таланта интриговать и всех со всеми сглаживать.

Именно хозяину усадьбы и принадлежит знакомая мне паровая ехалка, на паях с приспопыхляющим Василием Васильевичем. Концессионный бизнес, чтоб им...

Охранник считал выдающимся достижением свою работу по охране заднего двора, надменно сообщая об огромном конкурсе на такое шоколадное место. Думаю, врал, оправдывая сам для себя собственную никчёмность.

Правдой оказалось и то, что машинист был тестем хозяина усадьбы, женатого на его младшей, поздней дочери и имевший двух внучек-близняшек семи лет.

Как-то упомянул из интереса про сектантов-веганов, и, неожиданно, эта тема нашла горячий отклик в сердце моего ночного собеседника. Крепко он эту братию уважал. Но тоже однобоко. Ему ужасно нравились их порядки, по которым женщина мужу слова поперёк сказать не могла, подчиняясь безропотно во всём. Борис мусолил эту тему долго, со вкусом и массой ненужных подробностей. Но и тут, среди потока словесной шелухи, удалось узнать полезное: эти странные люди живут к северу отсюда; первое их поселение, больше похожее по описанию на блокпост, стоит километрах в пятнадцати по старой дороге. Где расположилось основное – охранник не знал.

Народ там, с его слов, подобрался замкнутый, необщительный, ставящей своей целью создание гармонии с окружающим миром. Но не совсем уж оторванный от реальности. Оказалось, сектанты здесь частые гости – на обмен крупы разные привозят, дрова. Их предводитель дела какие-то ведёт с Михалычем – потому иногда даже лично приходит для утрясания наиболее серьёзных вопросов.

В порыве болтливости Боря и про то, как добраться к веганам, рассказал: «Как из ворот выйдешь, так первый поворот налево, на большак, он тут один, и жарь по прямой, а там прямо в них упрёшься». Попытался разведать намёками о тонкостях религии; о том, нет ли у них чего необычного (про Слизня) – однако получал единообразный ответ: «Да нах оно мне надо. Живут – и живут».

Узнал и про тварей. «Есть, как не быть! Только мы в леса не суёмся, незачем. Сами они не нападают, боятся!» – гордо, высокомерно вещал охранник. Ага, боятся, как же... Смысла с вами связываться не видят, вот и весь секрет. У них экспансия на север, а в этих краях, как мне думается, Место находится, которое разумные тщательно оберегают и без нужды стараются не светить.

Спал я из-за ночных бесед урывками, пока Борис, в редких потугах служебного рвения, делал обходы вверенной ему территории, но нисколько не жалел об этом. Информация всегда чего-то стоит.

Зюзя шла на поправку. В те нечастые моменты, когда удавалось подойти к вольеру без сопровождающих каждый мой шаг внимательных глаз, я старался успокоить подругу и лишний раз обнадежить. Цепь с неё каким-то образом сняли, и она теперь имела возможность передвигаться по клетке. Сняли и повязку, обнажив уродливую, но зашитую, рану на шее. Омерзения ей добавляла криво, клочками выстриженная шерсть вокруг, из-под которой проглядывала бледная, грязная кожа. Ничего, шерсть не руки – вырастет, не страшно.

...Ни на секунду не оставлял я мыслей о побеге, вот только пути для него не видел. Не было в этой усадьбе слабых мест. Как ни подбадривал добермана, однако сам плавно скатывался в уныние. Ещё и Борис тошнит своими мелкобытовыми драмами по ночам...

Прошла безликая, однообразная неделя. Как-то в обед, когда хозяйские дети спали, а потому меня пускали убирать «чистую» половину усадьбы, небрежным окриком в беседку опять позвал дед. В этот раз он был благодушен. Сидел, небрежно развалившись в ротанговом кресле. На ногах мягкие, с опушкой, тапки; на столике рядом ополовиненный графинчик с вишнёвой наливочкой. Правильной, с корицей, с мускатным орехом, на слегка подзабродивших ягодах. Таковую раз продегустируешь – на всю жизнь запомнишь; а аромат... просто божественный, пряный, нежный.

Знаю, о чём говорю... Я пробовал. Давно, дома. Пару раз даже воровал вкуснятину у отца в отроческом возрасте, чтобы потом в овраге, подальше от взрослых, с друзьями распить без закуски.

Вот и сейчас рот непроизвольно наполнился ностальгической слюной. Сглотнул, подобрался. Хорошего от этого человека ждать не приходится.

– Что, одноглазик, здоровье как? – пьяненький машинист был сама любезность. – Не обижают тебя, хорошо ли кормят?

Господи... как хочется сломать ему челюсть, а потом долго прыгать, слушая хруст рёбер, на его впалой груди... И частушечки петь под это дело!

– Всё хорошо, всем доволен, – скороговоркой выпалил я. – Жалоб не имею.

Старичку такой ответ явно понравился.

– Может Ванька и прав... – неожиданно пристально всмотрелся он мне в глаз. – Кончить всегда успеем, попробуем из тебя пользу извлечь. Молодец зятьёк, рачительный хозяин...

Желание изувечить Василия Васильевича только усилилось. Скотина, как с вещью со мной общается. И ведь понимает, что творит; сознательно глумится, для удовольствия. Наверное, всю жизнь мечтал стать большим и важным, а был маленьким и на побегушках – теперь вот в тени Михалыча пёрышки распустил, гнилушка...

Между тем дед не затыкался:

– Хе-хе... Ловко я вас тогда провёл. Командиры твои как ни старались – не смогли меня на вранье поймать. А знаешь почему?! – я отрицательно покачал головой. – Потому что я не врал! Чистую правду говорил, только не до конца. Если хочешь спрятать правду – прячь её в другой правде! Ничего сложного. Об одном горюю – помощника своего, Петьку, пришлось пристрелить со спины, чтобы лишнего не наболтал. Так что без подручного я теперь... Ну ничего, нового выучу! А остальных гавриков ваши придурки перестреляли – прямо подарок судьбы! Один я остался – ври, что хочешь! Хе-хе... Те людишки – тьфу! Мусор! Паровоз важен был! Ты думаешь, он рухлядь слабосильная? Да он как новенький, это я вам цирк устраивал – мол, поломанный, неухоженный...

Старик налил себе рюмку, вкусно выпил, крикнув от удовольствия.

– Так вот, когда на ночёвку стали и тебя с тварью этой примкнули в вагоне, чтобы собачка не мешалась, я под утро и ушёл к своим. Мы тогда километров семь не доехали. Ага! Чуть ли не по минутам опаздывал, чтобы точно к темноте именно в том месте оказаться... Говорил же, что дорогу как свои пять пальцев знаю... Дальше основной состав с ребятами стоял. Оно ведь как делается – сначала привозим на место несколько групп, они вокруг расходятся, в секретах сидеть и из ракетниц сигналы подавать – перелёт там или недолёт, когда из пушечки шмалять начнём... Осматриваются, опять же... А через два дня всей силой заявляемся. Вот и тогда тоже – отцепили для удобства вагоны подальше, я этих и привёз. Утром хотел к своим, обратно ехать, да тут вы, как черти из табакерки, нагрянули. Накладочка вышла. Пришлось на ходу импровизировать – и получилось, как видишь! Пока вы дрыхли, добежал, рассказал, а дальше дело техники.

Вот тебе ещё соли на рану немного: взяли мы вашу дыру. Как вас положили, так медлить не стали. В наглуую переоделись похоже, сели на платформу, остальных в товарный засунули. И прямо в посёлок приехали. Никто не ушёл, всех собрали. Они теперь уже по новым хозяевам разъезжаются, хе-хе... Пока ты у доктора гостил – в Харьков смотаться успели. Хорошо расторговались, прибыльно... А были бы вы поспокойнее – глядишь, и живыми бы остались. Нет! Глазастые оказались! Высмотрели на свою голову... разведчики хреновы...

Судя по нездоровому, пьяному блеску в глазах, старый машинист чувствовал себя сейчас почти Богом. Ему было просто жизненно необходимо излить наружу все свои вонючие откровения, ощутить собственную крутость и превосходство. Но мне, совершенно неожиданно даже

для себя, стало плевать. Исчезли ненависть, злость, обида. Их место заняла Зюзя и её свобода. Вот о чём думать надо, даже в такие гадкие минуты.

Своей отрешённой физиономией я взбесил Василия Васильевича. Не так представлял он себе свой триумф, совсем не так. Видимо, дворнику-рабу Вите нужно было биться у его тапочек в припадках бессильной ненависти, грызть от злобы брусчатку, плакать. Не вышло – испортил праздник человеку.

– Пшёл вон! – визгливо, старческим фальцетом заорал он. – Ур-р-род!

Меня это вполне устраивает. Пойду, дедушка, пойду. Работы ещё много. Именно с такими мыслями я и ушёл от беснующегося, брызжущего слюной от ярости, старикашки. Что Васильевич мне сделает? Убьёт – вряд ли. Сам не справится, а зятя он явно побаивается и против его воли идти не станет. Типаж такой, всегда за сильным верноподданнически бегают, из его тени лают, но рычит только по команде – самому воли не хватает.

Может, и не повредило бы слезу жалобней пустить – порадовать козла-пенсионера, да только поздно уже. Раньше надо было гибкость проявлять, а не сейчас, задним умом. Но гадить теперь старый пердун точно начнёт. Пока не знаю, как, но начнёт.

На следующий день, когда выпускали на работы, Митяй неожиданно протянул мне длинную полоску синей, джинсовой ткани шириной сантиметра четыре и сказал:

– Как бинты снимешь – на рану нацепи. Всё поприличней выглядеть будешь, – и ушёл по своим делам.

Я присмотрелся к подарку – кое-где потёртости, небрежно отрезанные, не обмётанные края. Из старых штанов вырезали, не иначе. Ну и ладно, дарёному коню причиндалы не меряют.

Ближе к обеду сделал перерыв, снял медицинскую перевязку в незаметном закоулке, и долго наслаждался прикосновениями ветерка к освободившейся от неприятных тряпок коже.

Нацепил ленту, посмотрел в тёмное окошко склада – нда... ну и рожа! Моё худое, небритое, измождённое лицо с повязкой через глаз даже мне напоминало то ли зомби-ухаря, то ли привидение вечного третьего помощника младшего юнга на пиратском фрегате. Ладно, главное живой – именно так утешил я себя и занялся рутинным делом уборки.

И нашёл гвоздь. Длинный, кровельный, с большой шляпкой. Вот удача! Зная, что вечером меня будут обыскивать и даже заглядывать в рот (Митяй этой процедурой не манкировал, соблюдал строго), я отнёс находку к своему обиталищу и, отрыв засов, спрятал её в копне соломы, служившей мне постелью. Вот такая маленькая хитрость – вход в сарай никто не блокировал, пока я с метлой шуршал. Зачем? Теперь хоть общитесь – нет у меня ничего! Наивные люди! Настроение, впервые за последнее время, стало хорошим и даже мир чуточку заиграл красками.

Вечером, как только перешёл на «чистую» половину, я опять натолкнулся на Васильевича. Едва завидев, дед поманил меня своим сухоньким пальчиком и важно, с некоторой надменностью в голосе, произнёс так, чтобы все слышали:

– Почему в беседке не убрано?! Дармоеда кусок! Только и можешь, что кашу хозяйскую жрать! А ну, бегом, уродец, отработывай!!! – тут его голос перешёл на визгливый крик. – Пу-у-улей!!!

Как же он был смешон в своём гневе. Но пренебрегать стариковскими воплями не стоило, Витя должен быть безобидный и послушный.

Внутри, почти сразу перед входом, оказалась лужа мочи, растёкшаяся по каменному полу. Понятно, чьё произведение... Подошёл к сторожке, из которой вышел всё тот же молчаливый борец (живёт он в ней, что ли?), и спросил:

– Ведро с тряпкой есть?

За спиной снова завизжал старик:

– Какое тебе ещё ведро с тряпкой? Свои надо иметь! А если нету – твои проблемы! Чтобы через пятнадцать минут чисто мне там было, хоть языком вылизывай! Приду – проверю! – и важно удалился в дом.

Молчун смотрел на меня с явным сочувствием, однако ничего не предпринимал. На сколько я понял, он тут был кем-то вроде начальника охраны и помощником завхоза одновременно. Регулярно его мощная фигура мелькала то в складах на заднем дворе с блокнотом и карандашом, то среди охранников. Говорить этот человек умел – сам пару раз слышал, как борец густым басом вставлял пистон какому-то мужичку; но не очень любил это дело, предпочитая изъясняться жестами.

Дождавшись, пока Васильевич скроется в доме, я повторил свою просьбу: «Так что с ведром?». Однако ответом стало отрицательное покачивание головой – мол, сам разбирайся.

«Мелко, старичок, мелко мстишь» – думалось мне, пока собирал мочу собственной рубахой. Отнёс собранное на задний двор, вылооскал, набрав воды из колодца. Повторил процедуру несколько раз. Всё. Чисто. Теперь к Зюзе.

Против ожидания, доberman сегодня не вышла из будки, и еда стояла нетронутой. Сменил воду, долго вглядывался в её глаза, наконец не выдержал, спросил:

– Что случилось?

– Жарко. Болеть голова.

– Ты лежи, – начал я настраивать на позитив подругу. – Это первое дело, когда голова болит и в жар бросает. А лучше поспи. Ты была ранена, ещё слабая, надо набраться сил, помнишь для чего?

– Да...

Только отошёл от вольера, как раздалось знакомое:

– Кривой! Где ты шляешься, бездельник. Иди сюда, я работу проверять стану.

Подошёл, посмотрел, как дед, важно надувая щёки, осматривал вымытую брусчатку, потом мою рубаху, зажатую в руках, потом снова брусчатку. Когда ему это надоело, он ни слова не говоря, развернулся и ушёл в дом. На его тоненьких, бесцветных губах играла улыбка победителя.

Вернулся и я в свой сарай. Хотел поспать, пока не притащится тошнотворный Боря со своим пучком душевных страданий, но сон не шёл. Мне по-прежнему никак не удавалось придумать план побега. Сколько ещё здесь проторчу? Не знаю... Но вечно меня тут терпеть не будут. Я бы и сам постарался избавиться от пленника в своём доме. Мало ли, чего отмочит этот сомнительный субъект.

На следующий день Зюзе стало хуже. Она тяжело, рвано дышала, закрыв глаза. Ответила не сразу.

– Мне плохо.

Кое-как уговорил выйти из конуры. Доberman тяжело, на слабых лапах выполнила мою просьбу. То, что я увидел – заставило вздрогнуть. Рана загноилась, опухла, начала приобретать нездоровый, буро-синюшный цвет. Наверняка инфекция попала. Надо что-то делать, причём срочно. Плюнув на всё, я подошёл к одному из охранников, что-то обсуждавшему в компании приятелей у ворот.

– Мне Михалыч срочно нужен. Где его найти?

Он смерил меня взглядом, цыкнул зубом.

– На кой он тебе?

– Дело есть.

– Ну тогда стой и жди, когда во двор выйдет. Хозяин сегодня дома.

Кивнув головой в знак благодарности, я расположился на одной из клумб так, чтобы видеть вход в дом и принялся руками собирать мелкие листья, веточки и прочий мусор. Без

дела тут ошиваться мне никто не даст. Владелец усадьбы вышел прогулять свою светлость примерно через полчаса. Не став тянуть, подбежал к нему.

– Здравствуйте, Иван Михайлович.

Верзила недовольно поморщился, увидев мою персону. Ну да, сам знаю, что не красавец и не то, что желает видеть человек в хорошем настроении. Однако не прогнал, ответил:

– Чего тебе?

– Там собаке плохо, рана загноилась. Доктора бы позвать, иначе умереть может.

– Да и хрен с ней. Опять привязывать, чтобы не грызнула и опять нудёж Юрьевича слушать... Не хочу. Значит, судьба у неё такая. Понял?!

Э-э-э, нет. Так нельзя. Так совсем нельзя. Не устраивает меня такой ответ. А если...

– Иван Михайлович, что от меня нужно, чтобы я с собакой ушёл отсюда? Вам ведь толку от такого доходяги, как я мало. Дворник – далеко не самый ценный человек, а большее просто не потяну физически. Собака – больная, при таких раскладах на свете точно не заживётся. Я понимаю, что нормальный хозяин из всего должен иметь выгоду, потому и спрашиваю напрямую. Вы же человек деловой, вокруг да около ходить не любите, – последняя фраза была сказана исключительно из лести.

Его явно ошарашил этот вопрос. В задумчивости он даже прошёлся туда-обратно по двору, потёр бритый затылок. Я не мешал, пусть думает. Минуты через три Михалыч остановился и по-новому, с интересом в глазах посмотрел на меня.

– Задал ты мне задачку... Но в одном ты прав – делать с тобой что-то надо. Поучились на тебе студиозусы-медики, двор подмёл – и хватит. Лишний ты здесь. И тесть пилит за тебя постоянно... что ты ему такого сделал?

Вопрос был явно риторический. Знает он всё, наверняка донесли. Поэтому вместо ответа я просто пожал плечами, изображая недоумение.

– Так вот, если хочешь вместе с тварью свалить отсюда, выиграй бой.

– К-какой бой? – удивился я.

– Обычный, рукопашный, до смерти или пока не остановят. Не на ножах же, крайности это... Нам членовредительство без необходимости не нужно. Победишь – мотай отсюда вместе со своей тварью на все четыре стороны. Слово даю – никто в спину не выстрелит и догонять не станет. И никогда больше не попадайся. Проиграешь – в твоём случае это значит подохнешь. Ну, как? Интересно?

Неожиданно... Страшно, дико... Я ведь и драться-то толком не умею. Но в клетке моя подруга... И тут мне, почти не к месту, вспомнился один случай...

...Давно, ещё в те времена, в очереди к терапевту в районной поликлинике, случайно довелось стать свидетелем одного не самого приятного разговора. Двое небогатых на вид мужчин обсуждали, как продать старенькую машину и где занять денег для полноценного аорто-коронарного шунтирования, необходимого их отцу. Тех шунтов, которые бесплатно давало государство – не хватало. В этот момент к ним со спины подошёл и объект обсуждения, благообразный, седой как лунь, старик. Немного послушав сыновей, он начал отговаривать их от таких расходов: «Сыночки... Я пожил, мне хватит, к мамке вашей пора... Вы эти деньги приберегите, вон, внуки подрастают... Не надо...». На что один из мужчин веско, тоном, не допускающим возражений, ответил: «Ну хорошо, папа. Сэкономим мы, не станем оплачивать. А жить после этого нам с сознанием того, что мы отца на деньги обменяли, как прикажешь?». Да, здесь не больница и вопрос не в деньгах. Но если откажусь – как жить потом, с вечным грузом предательства на душе? Нет, так не будет.

– Я согласен. Правила есть или по-взрослому всё?

Михалыча мой ответ явно удивил.

– Кривой, ты себе отчёт отдаёшь, что ты полутруп? Понимаешь, на что подписываешься?

– Да. Когда бой?

– Через три дня, как из Белгорода приедем. Тебе что ближе – борьба или бокс?

– Я в борьбе вообще не силен.

– Так... Кого против тебя поставить? – задумался он. – Молчуна – слишком неинтересно, сразу заламает, наглухо... Ему что так, что так... О! Придумал! Андрюха! – крикнул он и от группы охранников у ворот отделился худощавый, жилистый паренёк. – Через три дня с этим, – кивок в мою сторону, – до смерти не хочешь на кулачках попробовать?

Будущий соперник внимательно осмотрел меня, хмыкнул.

– Так убью же сразу, Михалыч. Он еле стоит.

– Не твоя печаль. Кривой сам вызвался.

– Ну, раз так...

– Так, Андрюха, так. Хоть развлечёмся, а то ни телека, ни видика, ни кино посмотреть. Скучно... – и, обращаясь ко мне. – С сегодняшнего дня можешь работать вполсилы. Да, всё будет по-взрослому, без правил. Так что готовься нас поразить своей спортивной злостью и волей к победе.

Глава 3

Никто никаких послаблений мне, естественно, делать не стал. Моя робкая попытка заикнуться об этом Митяю окончилась долгой, проникновенной и совершенно непечатной речью с его стороны. Так и ходил целый день с метлой: Ш-шух, ш-шух. Ходил и думал – как победить того паренька и самому не подохнуть? Гвоздём – не получится, а больше у меня ничего и нет. Хотя один вариант в голове появился, только не нравился очень...

Между тем доберману становилось всё хуже. За день до боя она уже не вставала и практически не открывала глаз. И не жаловалась. Последнее угнетало особенно сильно – я же ей пообещал, она мне верит; а тут такое...

Три дня прошли, свистнул паровоз и двор наполнился голосами. Меня позвал завхоз.

– Иди, там тебя Михалыч дожидается.

Хозяин усадьбы сидел в беседке, улыбаясь каким-то своим мыслям и прихлёбывая из огромной кружки пахучий отвар. Увидев мою унылую физиономию, он рассмеялся.

– А, чудо-богатырь Кривой! Готов к спортивным успехам?

За спиной послышался мелкий, неприятный смех дедка:

– Ну так наш Кривой сейчас всех одной левой уделает, Ванечка. Так что не сомневайся, зрелище хорошее получится.

Я даже не стал оборачиваться к этому старпёру, но вот брезгливой гримасы, искривившей в презрении губы, сдержать не смог. Михалыч её заметил и ничего не сказал. Не знаю, почему. Скорее всего, тестя своего хозяин знал лучше и тоже презирал. Одним словом, он продолжил, совершенно не обращая на подхалимский тон родственника никакого внимания.

– Ты как, готов? Через час начнём.

– Готов.

– Понятно... Скажи, Кривой, – неожиданно Михалыч весь словно загорелся любопытством. – Ты же не сумасшедший. И прекрасно понимаешь, что шансов у тебя нет. Ради чего ты так поступаешь? Неужели из-за твари? Ясное дело, теперь уже обратных ход не дашь и выходить придётся... Но ты мне объясни – почему?! Почему ты не стал дожидаться спокойно, пока в Харьков тебя отвезут и после на юг отправят?! Был бы точно живой... – он окончил свою речь, испытующе глядя в моё лицо.

Что отвечать? Врать? А смысл? Для чего?

– Иван Михайлович, у тебя друзья есть? Настоящие, а не лизоблюды? Те, которые тебе семьёй стали? У меня – есть, – я указал рукой в сторону вольера. – Она. И она умирает. Если я могу попытаться её спасти через победу, то так тому и быть. Если не получится – нам обоим станет уже всё до лампочки.

Собеседник задумался. Его огромная, мощная фигура словно замерла в кресле, отчего он стал немного похож на Роденовского «Мыслителя». Прошло около минуты, в течение которой даже гнусный Васильевич, так и продолжавший стоять у меня за спиной, старался не дышать. Тяжёлый взгляд ещё раз прошёлся по мне сверху вниз.

– Красиво говоришь. Где-то я тебя даже понимаю, потому что давным-давно и у меня были такие друзья. Что ж, удачи, – и вдруг он неожиданно рявкнул на весь двор. – Митяй!!! Иди сюда!

Мужичок возник словно из-под стола, материализовался прямо, слегка изогнувшись в угодливой позе «чего изволите?» и пожирая глазами начальство.

– Слушаю, Иван Михалыч...

– Ты Кривому обувь дай какую-нибудь нормальную. Кроссовки там или кеды, или ещё что попрочнее. Только хорошие и по размеру, знаю тебя!.. Ему сегодня они пригодятся. Потом снимешь, на погосте, если посчитаешь нужным.

Через десять минут я стал обладателем не новых, но довольно крепких кроссовок, брошенных мне под ноги недовольным Митяем. Типичный завхоз, насмотрелся по стройкам на таких: всего им жалко; всё норовят любой, даже самый никчёмный болтик, утащить в дальние, тёмные углы и никогда потом не найти; а если и выдают, что положено – то с такими лицами, как будто я их граблю в извращённой форме.

Носки он, естественно, зажал. Ничего, и так сойдёт.

... Я стоял на возвышении размером примерно пять на десять метров, возле старого памятника солдатам, погибшим во Вторую Мировую Войну. Находилось оно посреди небольшой площади, которую стремительно заполняли люди. Мне было не страшно, совсем. Накаатило внутреннее, почти абсолютное спокойствие. Чтобы скоротать ожидание – с интересом осматривался, что здесь и как.

Посёлок, куда меня занесла нелёгкая, был большой и на форт не походил ни разу. Не было видно ни массивных оборонительных стен по периметру, ни сторожевых вышек. Единственная защита – высоченные, мощные заборы. Явно каждый сам за себя. Интересно, а что делают в случае нападения тварей или какой другой беды? По дворам отсиживаются? Или не сталкивались пока с серьёзной угрозой? Скорее второе.

Мужчины, женщины, путающиеся под ногами от нетерпения дети – да сколько же их тут! Не многим меньше чем тогда, на стенах в Фоминске. И при этом не надо забывать, что часть местных сейчас в отъезде – платформы с вагонами награбленным добром заполняют. Сильно поселение, такое и сдачи дать может.

Пришедшие смеялись, ласково переругиваясь и перешучиваясь в образовавшейся сутолоке.

– Здорово, давно не виделись...

– А кто с кем?..

– Ольга! О-о-о-льга!!! Куда ты подевалась, дура?!

– Давай потом к нам, посидим, выпьем...

– День-то какой хороший...

Подошёл Михалыч, поднял, привлекая внимание, руку, и все затихли.

– Сегодня состоится бой! Кривой, – он указал на меня, – будет драться против Андрюхи за свою свободу, – в этот момент с другой стороны возвышения появился мой противник. Без рубахи, явно рисуясь красивым, тренированным телом, он встал рядом и поднял обе руки в знак приветствия. Народ радостно загудел, засвистел, заулюлюкал.

– Нашёл противника...

– Ты бы с Молчуном попробовал, а не с этим доходягой...

– Да ладно, развлечёмся...

Это не понравилось хозяину особняка, он нахмурился и пророкотал, заглушая всех:

– Значит так! Кривой по своей воле принял решение, никто его для потехи сюда не гнал! Больше скажу, он будет драться не только за волю, ещё и за полудохлую тварь, с которой он якобы дружит. Если победит, то валит отсюда на все четыре стороны вместе с ней, и никто ничего ему не сделает. Для непонятливых – Я. Дал. Слово. А за базар надо отвечать – перевожу на доступный вам язык. Но и теперь всё непросто: одноглазый потребовал, чтобы бой был повзрослому, то есть без правил. Я согласился. Ну и для остроты ощущений предлагаю им биться до смерти, или пока я не остановлю поединок.

Собравшиеся затихли, оценивая перспективы будущего зрелища. В этот момент, видимо, для стимуляции меня, на двухколёсной тачке привезли Зюзю. Подруга была ещё в сознании, но ни на что уже не реагировала. Только чуть подрагивающие веки полузакрытых глаз и лёгкое движение грудной клетки выдавало в ней остатки жизни. На рану я старался не смотреть, но не получалось. Она сама привлекала внимание своим жутким видом: гнойные потёки засохли на

шерсти, ткани вокруг швов ещё сильнее набухли нездоровыми красками, распространившись шишковатыми, уродливыми бугорками почти по всей шее.

– Видишь, Кривой, вот твой приз и твой выбор, – вполголоса обратился ко мне Михайлыч. – Давай, попробуй отстоять. Я за тебя болеть буду, не каждый день такие высокомотивированные бойцы попадают. Прощай. Жаль, что раньше и при других обстоятельствах не встретились – могли бы и подружиться.

«Иди ты, со своей дружбой...» – подумал я и направился в дальний угол площадки. Андрюха стал в другой, постоянно шевеля плечами и разминая суставы рук. Ну что же, начнём...

– Бой!!! – скомандовал громкий голос и мир сжался для меня в точку.

... Мне было лет четырнадцать – именно тот возраст, когда ребята начинают усиленно интересоваться блатной романтикой, лагерной лирикой под расстроенную гитару, совершать первые, копеечные, кражи и играть в «понятия».

Не обошло это веяние и меня. В воровстве не участвовал – не срослось. Дальше грандиозных планов подломить магазин или поселковый банк наши с приятелями рассуждения не заходили – боязно было. Но вот плевать сквозь зубы; имитировать ленивую, как мне казалось, блатную хрипотцу в голосе и рассказывать другим обалдуям, что правильно, а что нет – тут я развернулся. Умничал направо и налево, рисуя из себя матёрого сидельца.

Отец смотрел на такую придурь сына снисходительно, справедливо полагая, что: «Перебесится!». Но вот сосед, дядя Антип, одинокий и угрюмый мужик лет пятидесяти, как-то поймал меня на улице за ухо и усадил рядом, на лавку.

– Ты, Витя, я гляжу, мурчать начал? Понятия мелочи всякой толкуешь?

Я смутился. То ли дело среди ровесников снисходительно языком молотить, а то взрослый дядька. Сосед правильно понял моё замешательство и не став дожидаться невнятного, блеющего ответа пацанёнка, продолжил:

– Что такое понятия, знаешь?

– Ну, да... как жить правильно...

– Почти. Это свод тюремных законов. Создан людьми и для людей. И ты собираешься нарушить одни законы, чтобы подчиняться другим, более жёстким? Какой смысл? Нет, если тебе так лучше жить и веселее – пожалуйста. Раз тюрьмы построены – должен в них кто-то сидеть. Только тогда и делай, как полагается. Сначала малолетка, потом общий режим, потом... там расскажут. Я девять лет оттянул за разбой, ещё при Союзе; знаю, что говорю. Поверь, здесь лучше. Даже песенки, которые бренчите по вечерам, о чём? О воле. И какой смысл волю на лагерь менять, и затем о воле там мечтать? Сюрреализм выходит... Балбес, бросай ты это дело, пока глупостей не натворил. Чем тебе тут плохо? Вон, у одноклассниц сиськи подрастают, весь мир для тебя! Подумай! И завязывай с толкованиями, а не то люди постарше и поавторитетней спросить могут. Поверь, вызовом родителей в школу и ремнём по жопе не отделаешься.

Но я, в те времена, как и любой подросток, хотел бунтовать. Не знал, против чего, но не соглашался со всеми и по любому вопросу, имея своё единственно правильное, детское мнение.

– Дядя Антип, так мне что, по мусорским законам существовать? Как лоху какому?

– Я тебе этого не говорил. Не делай выбор без крайней необходимости. Давай разберём. Вот скажи, грабить-убивать-насиловать хорошо?

– Нет.

– Правильно. Это и в уголовном кодексе чётко прописано и вообще, грех это. А на параше сидеть, когда люди кушают хорошо?

Я представил эту картину и сразу стало неприятно. К тому же, мне уже были известны основные правила жизни в неволе.

– Тоже нет.

– И это правильно. Это людские законы. Теперь смотри – получается, есть то, что и по государственному, и по человеческому разумению плохо. И есть то, что плохо только для людей. Усёк? Стало быть, подходим к главному. От тебя сейчас никто и ничего не требует, в рамки не ставит – поэтому живи по своему закону, внутреннему, людскому. Не ищи чью-то сторону. Не будь стукачом, крысой и никогда никого не предавай. Про «не верь, не бойся, не проси» сам знаешь. Остальное приложится. Для ориентира тебе – у человека всего три настоящие ценности есть: семья, друзья и он сам. Вот за это и надо зубами рвать, если нужно; выцарапывать не оглядываясь. Другое – туфта. В жизни бывает по-разному, но, если ты правильный изначально – тебя примут везде. И что бы ты не сделал, если сможешь обосновать – поймут. А если не поймут – главное, чтобы ты для себя сделал по совести, чем бы оно не закончилось. Даже если на метлу судьба посадит, лишит всего – не бзди. Коль прав – своё вернёшь. Поэтому завязывай с глупостями, Витя. Человеком нормальным становись. Совершенно не обязательно за решётку для этого стремиться.

Спасибо, дядя Антип, ты меня за одну беседу многому научил. Кто знает, чем бы всё закончилось, не вправь ты мне тогда мозги своими простыми, рассчитанными на незрелый мозг перегруженного гормонами подростка, рассуждениями. То, что я собирался сделать, ни с какого боку «пацанским» поступком не назовёшь, но с ценностями я давно определился...

... Изначально, без иллюзий, я оценивал свои шансы как один к десяти с очень большой натяжкой. Ну и что? Больше скажу, противник мне даже не даст сделать и один нормальный удар, просто не допустит такой глупости. Андрюха моложе, тренированнее, наверняка и опытнее в рукопашке. Зато у меня есть злость и вера в свою правоту.

Я принял неуклюжую, с по-дилетантски широко расставленными локтями, стойку. И побежал со всей мочи, смешно и громко вопя что-то нечленораздельное. Андрюха пригнулся. Скорее всего, сейчас представляет, как проведёт точный, отработанный прямой одноглазому лоху в голову; после улыбнётся, поклонится, а затем, подняв правую руку, небрежно покинет площадку. Только хрен тебе по всей морде! Не угадал! Зря я, что ли, комедию эту ломаю!

До него оставалось каких-то пара-тройка метров и я уже в мельчайших деталях видел самодовольное, весёлое лицо. Пора! На полной скорости рухнул на колени, отклонился немного назад и, сдирая в кровь колени при скольжении по плитам площадки, влетел головой в пах противнику. Вот так! А теперь... я вцепился зубами в его гениталии, накрепко обхватив руками бёдра. Вцепился со всей ненавистью, на которую был способен. Эх! Ещё бы и гвоздик любимый сюда... Во рту появился вкус крови; что-то упругое сначала нехотя, а потом всё сильнее и сильнее продавливалось под моими зубами, лишь добавляя ярости и вызывая желание рвать по-звериному и дальше. Брызнуло. Раздался нечеловеческий рёв, мне на голову сверху посыпались беспорядочные, мощные удары. Взрыв фейерверков, повторная вспышка, снова... Не получится у тебя, Андрюха, ничего, я с болью подружился...

Сжимаю челюсти ещё сильнее... Удары прекратились, меня пытаются оторвать за голову от победы, моей победы... Зачем-то все кричат... Правая половина лица влажная, тёплая... Интересно. Чья кровь – моя или нет? Думаю, моя... Не отключаться, не отключаться... Отсюда ещё уйти надо, такси ведь не вызовешь... Где-то вдалеке раздалось: «Брэк!!! Кривой, хватит!!! Отпусти!!! Победил!!!»

Слово сказано и услышано; я разжал зубы, сплюнул. На меня кулем упал, подвывая и суча ногами, обеими руками зажав перемазанный слюной вперемешку с кровью и мочой пах, Андрюха. Подбежали какие-то люди, все они начали вокруг него кудахтать, хлопотать. Мне решительно не было никакого дела до судьбы и здоровья этого человека. Попытался встать – упал, голова закружилась, вырвало. Снова попытался – опять упал. Да что ты будешь делать!

Интересно, а почему так тихо? Здесь же много людей? Третья попытка подняться, к моему огромному облегчению, увенчалась успехом. На меня все смотрели, раскрыв рты. Интересное зрелище, уроды? Ждали, что красиво подохну вам на забаву?! Да сейчас...

Ко мне бочком подошёл Михалыч. Он был явно растерян.

– Ты чего творишь! Чего творишь, я тебя спрашиваю!

– ...Без правил... – выдохнул я. – Условие...

Его передёрнуло.

– Помню, за слова отвечаю. Но вот так... Ты псих зашкваренный.

– Знаю... Я пошёл...

Вместо ответа он повернулся к пришедшей в себя после моей выходки толпе, уже всюю неодобрительно гомонившей, и прокричал:

– Всё по чесноку. Кривой победил. Кто не помнит – правил не было. Никаких. Теперь пусть валит со своей дохлятиной нахер! В спину не стрелять и не трогать! – и, уже обернувшись ко мне, брезгливо. – Вали отсюда. На глаза только больше, голубец защеканистый, не попадайся. Прибью. Собственноручно.

Да клал я на твоё мнение! Я знаю, что поступил правильно. Как говорил дядя Антип: «Для себя правильно». Для Зюзи правильно. А дальше – не интересно; и того, что есть, вполне хватит.

Медленно, борясь с болью и головокружением в отбитой голове, я пошёл к тачке, в которой лежала моя подруга. Народ расступался: кто с испугом в глазах, кто с весельем; мужики, в основном, с омерзением. Но никто не препятствовал, лишь неприятно шушукались между собой. О чём – не знаю, не до того было.

Провёл руками по горячей, серой от пыли и неухоженности шерсти. Улыбнулся. Местные шарахнулись при виде моего оскала. Неприятное зрелище? Так я вас сюда и не звал на смотрины.

Дорогу на север, к веганам, я заметил давно, ещё когда шёл сюда. Спасибо болтуну Боре, точно описал. Теперь осталось малое – дойти.

... Шаг, шаг, шаг, снова шаг, опять шаг, пятьсот шагов – и отдых, медленнее пойду. Главное – не останавливаться... молодец, а теперь ещё соточку на одну ножку... Не знаю, сколько я уже отмахал – много или мало. Не знаю и сколько осталось. Скрип, скрип, скрип – крутятся несмазанные колёса. А мне чудится: «Жить, жить, жить...». Зюзя по-прежнему ни на что не реагирует, за ней слежу тщательно. Ничего, потерпи...

Когда выходил из посёлка мусорщиков – спина словно горела огнём. Каждое мгновение ждал мстительный выстрел от приятелей, или родни, или просто недовольных результатом боя. Обошлось. Похоже, слово Михалыча действительно что-то здесь да значит. Но расслабляться нельзя. Это в посёлке он авторитет, а на дороге в авторитете тот, кто стреляет быстрее и точнее. Ничего ещё не закончилось.

По лицу и руке медленно, лениво ползут капли крови – раны под ударами разошлись. Но это ничего – отвезу Зюзю, попью водички и стану как новенький. «Медурод» про воду точно говорил, я помню... Если получится – посплю заодно. Но потом. А пока я решил спеть подруге песенку из репертуара Аллы Пугачёвой, которую так любит напевать моя мама – думаю, ей будет приятно.

А знаешь, всё ещё будет,
Южный ветер ещё подует,
И весну ещё наколдует,
И память перелистает...

Не знаю, удалось мне закончить песню или нет. Сознание стало отключаться, заменяя разум рефлексивно – механическими действиями. Мысли пропали, ощущение реальности пропало, остались лишь боль, цель и страх за то, что не успею.

... Шаг... шаг... шаг...

В этот мир меня вернул окрик, пробившийся через вату бессознательности:

– Стой! Стой!!! Глухой, что ли?! А то пальну! Кто такой?!

Я вскинулся, сбрасывая оцепенение. Неужели дошёл? Сознание краем отметило, что уже глубокая ночь.

– Вы в волка верите? – стараясь, чтобы мой голос был спокойным, спросил у неизвестного с оружием.

– Тебе то что? Наша вера до тебя никакого касательства не имеет, – хозяин голоса, судя по интонации, явно недоволен. Да и с чего ему радоваться среди ночи при виде чёрт знает кого с тачкой?

– У меня собака раненая. Сказали... сказали, что вы можете помочь.

Удивительно – говорить почти не осталось сил, зато моё сердце билось так, что, казалось, выпрыгнет из груди. Дошёл!!! Хорошо! Но... А если преувеличил охранник во время своих ночных откровений? Если козлина Василий Васильевич откровенно врал там, у Коробова? Как проверишь?!

Этот червячок сомнений грыз меня давно, с того самого момента, как только придумался план. Но выбора не оставалось, пришлось рискнуть. Не срastётся тут – значит сам попробую рану вскрыть. Промыть отваром ромашки или собственными жидкими отходами у меня ума хватит, только бы домик заброшенный с посудой найти. И спички для костра.

– Какая собака? – допытывался веган.

С этими препирательствами пора было заканчивать, иначе будем до утра словами перебрасываться, словно мячиком в теннисе.

– Моя подруга... Она ранена... Нуждается в помощи... Хотите – держите меня на мушке и осмотрите сами. Хотите – я её подвезу... Она в тачке. Сделаю, как скажете...

– Подъезжай. И без глупостей!

У самого шлагбаума, перегораживающего дорогу, меня уже ждали двое настороженных, бородатых мужиков, подсвечивающих себе факелом.

– Иди ты... и впрямь собака... Что у неё на шее?

– Воспаление. Хирург необходим.

– Оно и верно... Разумной твари всегда помочь нужно, она не человек пакостный. Илюха! Бегом буди Владимировича, пусть сюда спешит и сумку свою захватит!

– Да уж догадался... – буркнул кто-то молодой, невидимый в темноте, затем послышался топот ног.

– Сейчас фельдшер придёт, поможем Божьему созданию. Давай тачку. Ну у тебя и рожа, человеке... – вздрогнул он, рассмотрев мою физиономию.

Но вот отпустить ручки я не смог. Руки свело судорогой, пальцы намертво вжались в шершавый пластик. Еле отцепили. Говоривший со мной веган резво подхватил Зюзино транспортное средство, прокатил его под шлагбаумом и побежал в черноту ночи.

– Эй! А я?! – попытался броситься следом, но мощная рука второго сектанта остановила меня.

– А ты не нужен. Привёз собачку – спасибо, доброе дело сделал. Мы её постараемся выходить. Но к нам тебе хода нет. Иди отсюда.

Ага, сейчас!!! Я не сдавался и настырно лез через шлагбаум.

– Да чего же ты такой тупой! Русский язык не понимаешь?!

Он снова меня толкнул, не сильно, но мне хватило. Закружилась голова, и я провалился в давно не навещаемое НИЧТО.

...Пришёл в себя от щекотки. Маленькая букашка медленно и важно ползла по моему носу, смешно перебирая своими крохотными лапками. На самом кончике постояла, словно думала о чём-то, затем расправила крылья и с лёгким гудением полетела дальше, по своим делам. Не понравился ей, видимо, мой нос.

Повертел головой, осмотрелся. Я лежал в каком-то небольшом распадке, прикрытый ветками с ног до головы. Прямо под рукой прощупывалось что-то тёплое, цилиндрическое. Сжал пальцы, с усилием поднял – оказалась пластиковая бутылка с прозрачной жидкостью. Открывал медленно, сил почти не было. Оказалась вода. Долго, с усердием пил невкусную, прогретую летом жидкость. Стало немного легче. С болью в моём многострадальном черепе тоже было всё в порядке – стабильная, без всплесков. А вот тело буквально разваливалось на части. Ноги гудели, корпус словно молотками обработан, руки как в мельничном жернове побывали. Последствия бойцовских игрищ... А чего ты, Витя, хотел? Это в старых кинобоевиках главного персонажа дубасят всем, что в голову сценаристу взбредёт: от трактора до бетонной плиты; а он в конце всех побеждает, небрежно берёт пониже талии воздушную, с огромными, наивными глазами девушку, спасённую из лап наркомафии, и валит в закат.

Я не такой. Мне ни с девушками, ни со здоровьем не везёт. Хотя, чего это я на себя наговариваю? Кто-то же накрыл меня от солнышка, водичку сунул. Спасибо ему.

Ощупал лицо – неизвестный сердобольный наложил на пустую глазницу тряпочку, обмыл кровь. Повязку, я видимо, потерял – придётся новую искать. Не пугать же народ зрелищем провала и раны на самом видном месте.

Раскидал ветки руками, чуть приподнялся на локтях, осмотрелся. Ф-фух! Полегчало! Никого рядом и ничего, кроме травы и цветочков. Не знаю почему, но в какой-то момент показалось, что этот распадок – аналог тюрьмы под открытым небом. Что поделаешь, прошлое не отпускает.

Перевернулся на живот, встал на четвереньки и кое-как пополз по пологому, приятно пахнущему сочной травой, склону. Только выбрался – сразу увидел, метрах в сорока, самодельный шлагбаум и торчащего возле него позёвывающего мужика с ружьём. Я впечатлился: этот человек словно сошёл с картинок из детских книг про древнюю Русь. Окладистая борода, длинные, подвязанные шнурком волосы, рубаха навывпуск с вышивкой по косому вороту на пуговках. Ему бы ещё и лапти – точно бы подумал, что свихнулся. Но лаптей у него не было, их заменяли вполне современные кроссовки.

Человек явно заметил меня и приглашающе помахал рукой. Конечно пойду, я же должен узнать о судьбе Зюзи. Встать получилось с первого раза, а вот идти нет. Ноги подкашивались и отказывались выполнять свои традиционные задачи. Сгорая от стыда из-за собственной беспомощности, пошёл на четвереньках, придерживая тряпочку на лице. Со стороны, наверное, выглядел презабавнейше.

Дополз-доковылял; опираясь на стойки шлагбаума поднялся. Человек смотрел на меня с интересом, однако разговор не начинал. Хорошо, сам спрошу.

– Что с собакой?

– Лечат. Владимирович прямо ночью гнойник вскрыл, почистил. Но случай серьёзный. К главному доктору отправили с утра, там без него никак...

Меня мучило, жутко хотелось сесть. Метрах в трёх за веганом-волкопоклонником, практически рядом с перегораживающей проезд конструкцией, стояла скамейка под уютным навесом.

– Можно на скамейку присесть?

– Нет. Никому из людей, кроме Братьев или приглашённых, хода дальше нет. На землю садись, она тёплая, ничего не простудишь.

Я так и поступил, обессилено плюхнувшись на пятую точку прямо в дорожную пыль.

– А как я там... в стороне от дороги очутился? И кто за мной ухаживал? Спасибо хочу сказать.

Мужчина удивлённо посмотрел на меня.

– Так ты действительно ничего не помнишь? Странно... когда тебя мужики несли – ты говорил, всё какую-то Ю-Ю или Зулю поминал. Думал, шутят... Ночная смена за тобой присмотрела. Вечером будут.

– Понятно... – я откинулся назад, привалившись к стойке, и закрыл глаза. Надо немного отдохнуть. Однако теперь мой собеседник не унимался, утоляя своё разгорающееся любопытство и жажду общения.

– Тут эти... С южного посёлка утром приходили, про тебя спрашивали. Это ты, получается, вчера их бойцу яйца сожрал? – радостный, громкий смех заставил меня скривиться от воспоминаний, а потом скрутиться внутренностями в пружину от напряжения.

– Чего хотели? – как можно небрежнее спросил я.

– Да интересовались, дошёл ты до нас или нет. Ты же когда вчера с тачкой на дорогу вышел – так все стали ставки делать, сколько пройдёшь. Особо упорные, если не брехали, за тобой километра три топали из любопытства. Говорили, что ты даже не обернулся ни разу. Потом надоело, спать пошли, а двое любопытных сегодня не поленились, принесло их узнать...

– Что ответил?

– Почти правду. Сказал, что дошёл ночью, собаку нашим передал, а сам пошёл дальше. Туда – он показал рукой в сторону, противоположную распадку.

– Зачем обманул? – мне было действительно интересно.

– Люди тамошние – дрянь. Раньше таких мародёрами звали и к стенке ставили. Тянут, где что плохо лежит. Паразитируют на остатках прошлого, вместо того, чтобы создавать... Слышал, даже поселения нападают, людьми торгуют... Отец Андриан, когда может, детей у них выкупает. Хоть кто-то на рынок не попадёт. Так что пошли они куда подальше...

Ого! Выкупает, значит, детишек, а не в качестве платы за наводку, как на гарнизон, к примеру, берёт... Сказочно звучит. А вот если этот псевдорусич просто не знает всех дел местного «папашки» – тогда реализма в его словах гораздо больше. Но ничего этого вслух я не сказал.

– Дрянь, говоришь? Тогда как же вы такое соседство терпите?

– А куда деваться? Соседей редко удаётся выбирать. Да и не полезут они на нас, побоятся. Единства среди них нет. В том посёлке верховодят три брата: у одного паровоз, у другого грузчики, а третий за поселение отвечает. Живут не сказать, чтобы дружно, но очень стараются до вооружённых конфликтов дело не доводить, полюбовно договариваются. У каждого симпатиков много. А даже если и сунутся с перепоя – что с нас взять? Ну нападут на форт, спалят, так потом в ответку так по соплям получают, когда все наши соберутся, что и камня на камне не останется. К тому же обороны, как таковой, у них нет. На число надеются, и на дворы свои.

– Это как?

– Ты же видел, что поселение их защитной стены не имеет, – я этого толком не видел, не до того было, но на всякий случай утвердительно кивнул. – Слишком большое оно. Потому они решили по-другому поступить. Каждый двор – крепость. Есть лазы к соседям, хитрости всякие. Если и нападёт кто – врага во дворах и побьют, или повзрывают – оружия там полно. Да и кто к ним сунется? Основная жизнь южнее, мы так, на окраине цивилизации сидим, не ходим туда.

Чутко, внимательно запоминал всё услышанное. Складывалось впечатление, что собеседник неплохой человек, и я решил это отметить.

– Спасибо за то, что отвадил этих... Боялся, что за своего мстить придут. Ты извини, но кроме как словом, мне тебя отблагодарить нечем.

– Да ладно! Мы же славяне, должны помогать друг другу! – беспечно отмахнулся бородач. – Мелочи это, тем более ты с собакой... Мы всякую жизнь уважаем. Меня, кстати, Виктор зовут.

– Меня тоже.

– Правда?! Тёзки, значит... Ты туда, под деревце, садись в тенёк. Припекает сегодня знатно...

... К концу дня я знал об Адептах Нового Пришествия (как они себя сами называли) почти всё из общих сведений. Это было небольшое... государство, судя по организации и строю, занимающее внушительные по сегодняшним меркам территории. Где-то к северо-западу стоял их главный городок, в котором главенствовал отец Андриан. По округе расположились небольшие поселения, в которых народ занимался огородничеством и прочими ремёслами. С внешним миром они практически не общались, за исключением торговли, считая себя самодостаточной общиной.

Я находился сейчас возле самого южного форпоста сектантов. Выглядел он как привычный небольшой фортик с традиционным частоколом, практически невидимыми снаружи крышами домов, вышкой. Внутри, по рассказам тёзки, находилось помимо жилья и капище новой веры – столб с идолом в виде волчьей головы, к которому раз в неделю возлагались цветы или иные скромные дары. От шлагбаума до поселения было метров триста, караульная служба здесь неслась круглосуточно. Вообще, у меня сложилось впечатление, что вера и весь этот старорусский, показной уклад – не более чем декорации. Тёзка, на удивление, говорил без традиционного для обработанных религией огня в глазах; совершенно спокойно вворачивал иногда крепкое словцо; не бравировал мудрыми, но чужими, цитатами. Одним словом, человек как человек. Я даже получил приглашение вечером посидеть за чаркой самогона, когда он сменится. Не в поселении, нет – в распадке. «Там тихо, красиво, и бабы не найдут» – веско аргументировал он свой выбор места для мероприятия. Пришлось отказаться, сославшись на здоровье.

Оказалось, что сектанты не совсем уж упоротые фанатики. Рыба в их рационе бывала регулярно, а птичье мясо разрешалось вкушать или по праздникам, или в виде особого поощрения. Ну и детям, естественно – за подрастающим поколением следили особо. Хотя, думается мне, что втайне лопают они запретное. Не нажрёшь, как ни старайся, такие круглые морды на одних кашках с карасиками.

Несмотря на всю свою словоохотливость, Виктор не сказал ничего особо ценного. Наставать и лезть с расспросами я попросту побоялся. Видел – человек он не глупый. Потому выводы делал по оговоркам с обмолвками. Дружба с волками оказалась правдой – их предводителя действительно иногда видели в обществе серых; более того, местные совершенно не боялись бродить по краю леса и собирать грибы с ягодами. Вглубь не совались – «отец Андриан не велит».

Главное их поселение оказалось тоже не для всех. Там могли жить только те, кто «в вере истов и крепок». По каким критериям отбирали самых-самых – не понял. Зато узнал, что там есть больница, школа-интернат, в которой учатся абсолютно все дети адептов; и главное капище, куда и возлагают свои дары для разумных животных. В наибольшем почёте тут были волки. Именно на них и замешивался основной опиум для народа.

– А что, зверь вольный, честный, умный, сильный, – говорил бородач. – Разум получил? Получил. Это чудо божье? Чудо. И почему спаситель не может прийти к нам волком? Назови иного зверя, лучше его? Медведь – ленив и одинок, свиньи – даже не смешно, олени – не та тварь, слишком нервная... Сам посмотри, что вокруг творится. Отвернулся Господь от нас, к зверям теперь благоволит. Мы же славяне, в кого нам верить? В летающего змея Кетцалькоатля?

Это сильно напоминало «Библию для самых маленьких», но в теологические споры я лезть не стал. Себе дороже выйдет чужую веру критиковать, тем более здешние ко мне почти со всей душой...

Узнал и про рейдовые группы охотников. По мнению Виктора, они охраняли волков в их дальних путешествиях. Про Слизень он ничего не знал.

Вечером к нам пришёл лекарь. Не врач, не фельдшер, а именно лекарь. Так же в бороде, косоворотке, с подвязанными волосами. Тот самый Владимирович, о котором я слышал ночью. Принёс ужин, в том числе и на меня – пустую пшеничную кашу; осмотрел мою голову, промыл рану горько пахнущим, мутным отваром, наложил свежую повязку.

На мой вопрос о судьбе подруги ответил не сразу, долго мялся.

– Рану вскрыл, почистил, что мог – сделал. Пришлось двух молодых от работы отрывать, чтобы её в больницу отвезли. Послезавтра вернутся, расскажут... Плоха она, очень плоха... Где ты добермана вообще нашёл?

Пришлось изложить сжатую версию моего знакомства с Зюзей, не забыв, впрочем, подробно рассказать историю её ранения. Последнее вызвало здоровое негодование.

– Вот сволочи, что творят... Надо отцу Андриану рассказать. Пусть подумает, стоит ли с такими дела иметь. Как их только земля носит... И так горе вокруг, а они ещё и усугубляют...

Я не вмешивался. Похоже, что мои первые мысли об местном предводителе подтверждаются. Слишком искренне люди о нём хорошо отзывались. Видимо, не простой человек. Одной рукой всех любит, миру мир и всё такое... А другой – сам поселения для грабежа указывает, по тихому, чтобы паству не будоражить и собственнонасаждаемые моральные ценности не разрушить. Типичный политик: все плохие, один он ангел в белом пальто. Вот только у всех ни шиша, а у него власть, мощь, ресурсы. И грамотный руководитель, не отнять – народ здесь не затюканный, весёлый, палку с религией и прочими строгостями явно не перегибает. Весь этот древнерусский колорит в одежде и регулярное упоминание в беседах слова «славяне» очень похож на зарождающиеся «скрепы» для нового общества, удобные для всех. Видел уже такое, знакомая схема.

В этом самом отце Андриане, судя по описанию, с Фоменко незабвенным много чего общего, чуть ли не под копирку! Этаким фюрер местечковый. Не хочу встречаться! Но животных, твердили мне все как один мужики, действительно любил и лелеял. Хотя что-то в нём хорошее осталось...

Поздно вечером Виктор сменился, на смену ему пришли два других бородача и подросток. Я поблагодарил их за спасение, пообщался о том и о сём, получил разрешение ночевать тут же, недалеко от охраняемого прохода, под кустом. Они мне даже подобие подушки дали – старую наволочку, набитую травой; древний плед и застиранную, но чистую футболку. Ни прогонять, ни отговаривать меня стали – видели, что без новостей о здоровье Зюзи не уйду.

Прошло почти шесть дней. Ребята, оттащившие тачку с подругой в больницу, никаких известий не принесли. Да, доставили. Да, живая была. Да, доктор сразу на операцию увёз. А вот оставаться до первых результатов лечения не стали – назад вернулись, своих дел полно. Я ждал, втайне даже от себя, боясь новостей. Проводил время за разговорами с постовыми, с приходившим ежедневно Владимировичем; ел, если давали, пил, спал. Когда пошёл дождь – просто сидел под кустом, отрешённо глядя в одну точку и ничего там не видя. Потом опять коротал в беседах томительно тянущееся время.

Самым неприятным стало то, что специально узнавать для меня никто ничего не собирался. Гонца послать – свободных людей нет, все при деле. Самому пойти – нельзя. Честно сказали – пристрелим. Не мы – так другие. Порядок такой. Оставалось лишь ждать оказии – может кто-то будет из городка ехать и, возможно, расскажет о состоянии подруги. Да и то, если знает. Пришлось запастись терпением.

Здоровье моё понемногу восстанавливалось, так что вынужденное безделье, в некотором роде, даже шло на пользу.

На седьмой день я увидел процессию. Впереди шёл невысокий, худощавый мужчина лет сорока, в традиционно псевдорусской одежде и с резным посохом в руках. За ним двигались лёгкой, стелящейся походкой четверо мужчин с повадками профессиональных бойцов. У каждого был такой знакомый по Лёхиной деревеньке СКС. Охранник, до этого непринуждённо болтавший со мной о старых временах и курортах Чёрного моря, вдруг склонился в глубоком, немного раболепном, поклоне. Я повторил его движение. Ничего, не убудет и спина не переломится.

Между тем мужчина подошёл ко мне, как-то очень по-свойски опёрся руками об перекладину шлагбаума, и заговорил хорошо поставленным, густым голосом:

– Ты, значит, собачку к нам принёс? Благое дело... Все мы Божьи, все право жить имеем, все мы братья... Я тут по делам был, решил лично на такого молодца глянуть.

Я выпрямился, и только теперь смог рассмотреть говорившего в подробностях. Хиленький, спокойный человек с лицом, в котором действительно было что-то неуловимо крысиное. Никаких запоминающихся черт, кроме глаз. Они словно принадлежали не ему. Блёклые, водянистые, пустые – такие глаза лучше подойдут старику, который уже достаточно пожил и видел многое в жизни. Тоже, наверное, у Слизня оттирается, недаром к волкам без мыла в задницу лез. А они его «глупым человеком» называли, наивные... Вспомнилось, как полковник подробно тогда рассказывал про побочные эффекты этой инопланетной хреновины...

– Да. Я. Как она?!

Отец Андриан резко выпрямился, посмотрел мне в глаз и тихим, человеческим голосом, ответил:

– Она ушла. На радугу. Мы ничего не смогли сделать. Прости. Как её звали?

– З-зюзя...

– Прости, – снова повторил он, развернулся и быстро зашагал со своей свитой к фортику.

Я долго смотрел ему вслед и плакал. Громко, навзрыд, раздираемый изнутри самой страшной на свете болью – душевной.

Кто для меня эта собака? Друг? Нет, мы давно переросли простую дружбу. Мы – семья. Да – странная, да – непонятная, но семья. И мне без неё плохо!

Глава 4

Постепенно истерика прошла, заменив себя пустотой. Словно часть меня отрезали. Умерло внутри что-то. Ещё раз, без всякой надежды попробовал уговорить псевдорусичей меня пропустить, теперь уже чтобы в последний раз проститься. Снова отказ, даже в просьбе повторно встретиться с отцом Андрианом. Он, похоже, и сам со мной общения не искал. Вон, как быстро в фортике скрылся.

– Так бывает. Ты прости, если что. Для собачки твоей сделали всё, что могли, – печально произнёс кто-то из сектантов. – Не спасли животную... И не вздумай могилку искать – только беду на свою голову накличешь! Далеко она. А порядки наши сам знаешь... поймают – пощады не жди.

Пришёл тёзка, протянул мне котомку. Я, даже не заглядывая внутрь, машинально её взял и, не прощаясь, словно сомнамбула, пошёл обратно по дороге, не особо задумываясь о том, что в посёлке мародёров меня не ждут.

В голове прочно засел вопрос: «Вот что я нашёл такого в Зюзе, что за месяц с хвостиком нашего знакомства прикипел к ней всем сердцем?». Но внятного объяснения так и не смог придумать, кроме одного, простого. Наверняка есть ещё множество вариантов, более правильных и украшенных витиеватыми и пафосными словами, однако мне и первого хватит. Доберман – единственное существо за последние десять лет, которое было со мной рядом по своей воле и ничего от меня не требовало. Она приносила только добро, не прося ничего взамен. Сказки не в счёт. Для меня умение быть рядом с кем-то без корысти – и есть идеал дружбы и семьи. Остальное от лукавого.

Теперь про поминки... Я хоть Зюзино тело и не видел, но, если добердевочка жива – она меня найдёт. Мир перевернёт, а найдёт. А если нет? Не хочу верить, восстаёт всё внутри против этого, но всё же... Нет! Она – жива! Мне здешние мужики все уши прожужжали, что местный пастырь животных обожает, ни за что не обидит. Даже если он соврал – пусть! Лишь бы ушастую выходил – всё прощу!

А если наступить на горло эмоциям, то придётся признать: её состояние в момент встречи моей с сектантами было критическим. Если... Если да, и я только что узнал правду? Тогда однозначно, смерть моей подруги должна быть отмщена. Не хуже, чем разумные за послушника Алексея должок вернули. Вот только кому мстить? Сектантам, которые нашли и вывели на гарнизон банду Михалыча? Михалычу, который всю эту гадость спланировал и притворил в жизнь? Неизвестному стрелку, смертельно ранившему Зюзю? Васильевичу, который тогда привёл всю свою кодлу для уничтожения группы Коробова? Кому???

На всех меня точно не хватит и устраивать войну со всем окружающим миром глупо. Мне не нужна героическая смерть, мне нужна месть. А у мести должно быть лицо, в которое можно выстрелить. Не знаю почему, но сознание упорно подсовывало сморщенную мордочку старого машиниста, и в ушах периодически раздавался его мерзкий, липкий смех.

Прав был волчара, ох как прав! За своих надо мстить так, чтобы небо содрогнулось!

Как только я выбрал конкретный, реальный объект для своей ненависти, сразу стало легче. Мысли из философско-абстрактных перетекали в практическую плоскость. Как проще, с гарантией, угробить старого пердуна? В посёлке – не вариант, на паровозе... На паровозе! И паровоз под откос! Как я про него забыл! Чтобы ахнули, суки!

Васильевич и паровоз, паровоз и Васильевич... Обоих угроблю, или я не Витя Кривой. У меня теперь даже кличка разбойничья, так что сами виноваты. И начну именно с самоходной железяки. Почему? Потому что она большая.

Интересно, где можно взять учебник «Как пустить паровоз под откос при помощи верёвки, травы и отборного мата»? Наверное, нигде. А он мне бы очень сильно не помешал

сейчас. Хорошо, что я знаю о паровозах? Что они довольно сложные в управлении и как работают рычаги и всякие манометры – я без понятия. Знаю, что пар приводит в движение колёса и чумазый кочегар периодически бросает уголь в топку. И всё. Плохо. Наверняка ведь эту сложную конструкцию можно запросто обездвигить, если понимать, как.

Ладно, думаем дальше.

Ездят они где? По железной дороге, по рельсам. Если открутить рельс – поезд под откос пойдёт? На скорости – обязательно. Вот только в одно рыло открутить рельс, спилить все крепёжные болты – не реально. А пилить придётся – потому что если состав ехать будет медленно, то рельс может и не соскочить с креплений. Уносить в сторону опасно – могут заметить, да и не сдвину я эту железяку. В войну партизаны проще делали – минировали, и всех делов. Только где мне тротил взять? Опять в мечтания ударяюсь...

Остаётся последний вариант – сжечь. Если и не до основания, то вреда всяко много будет. И паскудник-машинист там же отираться будет... Он – главная цель! Пусть ему отгрызнётся по полной... Что же, план «минимум» есть, цель есть, приступим! Я сошёл с дороги и двинул на восток. Там, по моим расчётам, находилась железная дорога.

Следующие четыре дня я практически не ел, не спал, рыская по округе, словно дикий зверь. Скоро закончится месяц перемирия с волками, надо бы свалить из этих мест подальше, но это меня сейчас совершенно не волновало. Я должен отомстить, просто обязан!

Обшарил три небольшие деревеньки, которые обнаружил, пройдя по старым, почти проглоченным наступающей природой, дорогам. Результаты были неутешительные. Практически всё, что представляло хоть какую-либо ценность, вывезли местные. Но мне много и не нужно. Удалось найти относительно нормальные спички, несколько кухонных ножей; ржавеньких, но прочных. Осмотрел, оставил два самых длинных. Подобрал и старую матерчатую сумку, и тёмно-коричневое, пропахшее мышами и плесенью, покрывало. Ну и новой повязкой на глаз обзавёлся, куда же без неё!

И, наконец, удача изволила улыбнуться. Когда, уже особо ни на что не надеясь, зашёл в неприглядный сарайчик, то увидел искомое. Две литровые бутылки растворителя. Проверил – закрыты плотно, не воняют. К таким вещам мужчины в своих мастерских всегда относились бережно, согласно технике безопасности. Обыскал тщательнее – и наградой за усердие стали ещё две, почти пустые. Перелил их в одну ёмкость, с удовольствием вдыхая тяжёлый, химический запах, так знакомый мне по отцовскому гаражу. Подпалил пару капель на пробу – горит, как ему и положено. Обнаружилось там, в сарайчике, и немного, литра три, машинного масла. Совсем хорошо, только одно плохо – слабенький я. Долго такой груз не смогу носить.

Остаток дня и ночь потратил на сон, набираясь сил, а с первыми лучами солнца вышел к железной дороге, обнаруженной на второй день забега по ненаселённым пунктам, и потопал на юг. В одной руке нож, в другой увесистая сумка со всяким разным. Километров через пять показался посёлок. Быстренько сделал простой тайничок, в котором припрятал набранное барахло и медленно, ползком, подобрался как можно ближе к цели.

Укрытием выбрал кусты на обочине старой дороги, примерно в полутора километрах от первых дворов. Ближе нельзя – огороды. Но это и хорошо – там, где люди с утра до вечера в земле копаются – растяжки или мины обычно не ставят.

Из моего наблюдательного пункта было отлично видно, что железная дорога делит посёлок на две части, и обе они жилые. Туда-сюда постоянно сновал народ. По одному человеку, иногда парой, однако стало кристально ясно – днём не подобраться, заметят. К тому же поперёк путей была растянута егoза в одно кольцо. Для человека она препятствие небольшое, а вот для твари – не знаю. Кто-то перепрыгнет, кто-то нет. Думаю, больше для порядка её тут положили – чтобы отпугивать. Прошёлся глазом вдоль проволоки – ага, концы не закреплены ни к чему, просто к забору примыкает. Значит убирают, когда состав в эту сторону едет или с лопатами на войну с урожаем выходят. Отлично! С проходом определился.

Меня поначалу удивило отсутствие охраны на въезде или следов её пребывания – кострищ, навесов, скамеек; да чего угодно, указывающего на несение местными караульной службы. Однако, пораскинув мозгами, я понял, почему так. Слишком затратно по людям получалось. Как раз возле моего укрытия рельсы начинали ветвиться, превращаясь в районе домов в целый лабиринт из съездов, сплетений, стрелочных переводов, ответвлений и прочей железнодорожной премудрости шириною метров сто, не меньше. К этому надо добавить ещё и насыпь, и далеко не узкие улицы вдоль жилых строений. Много выходит. Как ни крути, получается, что по-хорошему надо справа от путей пост ставить, слева от путей пост, на самих путях тоже кого-то садить придётся. Никак не менее десяти человек на одну смену вырисовывается. Да столько же надо и с другой стороны посёлка в охрану назначить. А ещё есть и улицы, и склады... Похоже, из-за отсутствия внешней угрозы и наличия добротных, действительно высоких заборов (не менее трёх-четырёх метров) здесь решили охранять не территории, а объекты. Что же, это мне на руку, проще пробраться будет.

Разглядел я и паровоз. Стоял он ко мне передом, грозно прикрывшись платформой со знакомой пушечкой; что сзади – толком увидеть не получилось. Там маячила сплошная мешанина из вагонов, контейнеров, цистерн. Горько пожалел, что нет со мной бинокля, в очередной раз помянув недобрым словом всех местных, подмотавших моё имущество. Да чего уж теперь...

Через некоторое время разглядел и дедка – он больше половины дня крутился с каким-то долговязым мужиком вокруг состава. Всё что-то любовно простукивал, подлезал снизу, покрывал и размахивал руками с зажатой в них промасленной тряпкой. Ух, как я зубами скрипел от бессилия...

Незаметно наступила ночь. На небе одна за одной вспыхнули звёзды, гомон дня ушёл, уступив место трелям сверчков, уханью и посвисту птиц. Пора! Медленно, аккуратно ступая босыми ногами по старому асфальту, в полусогнутом виде дошёл до егозы, примыкавшей к забору ближайшего ко мне дома. Через покрывало, чтобы не поранить руки, просто отодвинул её немного в сторону. Постоял, прислушиваясь – тихо; а затем по обочине, стараясь даже не дышать, прокрался к перрону. Хорошо, что электрического освещения и собачек охранных, как в прошлом, нет. В тени насыпи и заборов мгла была почти полной, тут и десяток таких, как я, незаметно пройдёт, если с умом.

Вооружение моё составляли лишь два ножа с измазанными грязью лезвиями. Так и крался, сжав рукоятки в потных ладонях. А куда их девать? Ни ножен, ни куртки, чтобы в подкладку воткнуть, у меня не было. Только пончо из покрывала вырезал, чтобы организмом не белеть.

Подобрался к перрону. Осторожно поднялся. Принюхался. О, тут где-то рядом туалет, совсем рядом, аж глаз режет. Повезло. Что и говорить – в таких загаженных местах прятаться хорошо, народ у нас брезгливый. Запомню. Прошёл ещё метров пятнадцать вдоль декоративного заборчика. Скоро уже и паровоз должен быть. Прислушался: со стороны путей раздалось покашливание, негромкие шаги. Нет, не в мою сторону, можно пока не прятаться. Добрался до здания вокзала.

Я уже довольно сильно нервничал. По всем прикидкам, по ночам должен ходить патруль, раз уж постов нет. Но никто не появлялся, а для меня было жизненно важно вычислить их маршрут, время обхода, количество задействованных людей. Не хочу, чтобы они в самый неподходящий момент, как снег на голову свалились.

Несколько раз медленно, почти беззвучно вдохнул и так же медленно выдохнул, успокаивая себя. Может, рано ещё этим, ночным сторожам мирного мародёрского сна появляться?

Двери в здание вокзала оказались закрыты. Придётся по перрону первого пути обходить. Лёг на живот, сунул ножи за пояс брюк на спине и пополз. А вот и люди! Только сейчас я обратил внимание, что почти напротив меня стоит такой нужный мне состав. Звездный свет мягко

освещал платформу с артиллерией, паровоз, его тендер, грузовой вагон и два пассажирских в конце. Дальше, чуть поодаль, стояли другие платформы с чем-то, неразличимым из-за расстояния, и что-то большое, пока совершенно неинтересное. А вот и люди – метрах в двадцати от меня. Они как раз разводили в бочке огонь, и через пару минут, в свете пляшущих язычков пламени, мне удалось их хорошо рассмотреть.

Это были двое пожилых мужчин, вооружённых винтовками. Оба в кепках, пиджаках, сапогах бутылками – только белой повязки полиция на рукаве не хватает для полноты картины.

Прополз дальше, обогнул здание и с облегчением нырнул обратно в ночь. Снова осмотрелся. Перрон заканчивался, ступеньки вели на насыпь. Не поленился, взглянул – что там, дальше, и не зря! Рядом со ступеньками оказался колодец, возле которого стоял ручной насос, обмотанный шлангом. Ну конечно! Надо же им откуда-то воду для своей ехалки добывать! Вернулся обратно, в вокзальную тень, и вовремя. Из глубины посёлка, по улице вдоль железной дороги, шла группа людей, освещающих себе путь факелами. Посчитал – шестеро, все с ружьями. Дойдя до перрона, они подниматься не стали, сразу через пути прошли к бочке с огнём. Постояли, под редкий смех рассказали пару бородатых анекдотов, подымили самоса-дом и минут через десять пошли дальше.

Охранники паровоза тоже надолго задерживаться у огня не стали: постояли ещё чуть-чуть, после чего разошлись в разные стороны вдоль состава, обходя его по кругу, друг другу на встречу. Вернулись они к своей бочке минут через пятнадцать, почти одновременно. Истоптанный маршрут, значит, выверенный. Без часов точны... Интересно, они на другой стороне при встрече разговаривают? Не слышал ничего вроде бы... Запомню, это важно. Примерно через полчаса вдали вновь замерцали факелы – патруль шёл по противоположной улице посёлка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.